

12+

ПОЛИНА БАХАРЕВА
МИРОН БАХАРЕВ

КОМНАТА ЛЬВА

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Полина Бахарева

Комната Льва. Часть первая

«Издательские решения»

Бахарева П.

Комната Льва. Часть первая / П. Бахарева — «Издательские решения»,

Раньше Лев любил рассказывать, а его брат Лука — слушать. Раньше Лев хотел стать рыцарем, а Лука — детективом. Раньше им было так хорошо вместе, но теперь Лев «взрослый», у него своя комната, где происходят чудеса, а Лука должен «учиться занимать себя сам». И всё бы ничего, но Лев пропал — там, в Комнате, и, если Лука не разгадает тайну его исчезновения, случится настоящая катастрофа. Это история о дружбе, любви и подвигах, а ещё о сказке, которая вполне может претвориться в жизнь.

© Бахарева П.

© Издательские решения

Содержание

Глава 1. Как Лев выбрал комнату (или комната выбрала Льва)	7
Глава 2. Новые горизонты	12
Глава 3. «Диванный детектив»	20
Глава 4. «Дело о пропавших паспортах»	23
Глава 5. Лев исчезает и появляется	27
Глава 6. Лев исчезает... и не появляется	32
Глава 7. «Дело собак»	36
Глава 8. Исчезновения продолжаются	42
Глава 9. Кто-то появляется	47
Глава 10. И не исчезает	49
Конец ознакомительного фрагмента.	51

Комната Льва

Часть первая

Полина Бахарева
Мирон Бахарев

Из письма Льва Лизе

© Полина Бахарева, 2026

© Мирон Бахарев, 2026

ISBN 978-5-0070-3995-6 (т. 1)

ISBN 978-5-0070-3996-3

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

...В последнее время меня особенно занимает эта мысль: можем ли мы выбирать, каким событиям влиять на нашу жизнь, а каким проходить незамеченными? Кто это решает — мы сами или кто-то другой? И на ком лежит ответственность за повороты на нашем пути — на нас, даже если мы слишком малы и не в состоянии понять, что идём куда-то, или на тех, кто поставил нас на эту дорогу? Или на континентах, очертания которых стали нам домом? Или на звёздах, что сияли в небесах, когда мы вышли в мир?

Я размышляю об этом, потому что хочу понять, не я ли виноват в том, что всё случилось именно так? Я обращался с Лукой, как с игрушкой, полученной в безраздельное пользование. Я почти ставил на нём эксперимент — что будет, если я стану говорить с ним только стихами Бродского? Читать Шекспира вместо сказки на ночь? А если мы станем жить по кодексу рыцарской чести? Я не задумывался, что всё это останется в его голове, и он изменится — как деревце, ставшее причудливо изогнутым из-за забора, в чьей тени оно начинало свой рост.

Мою роль во всём этом нельзя назвать самой почётной. Порой мне кажется, рок обрёл моё обличье, желая прикоснуться к брату... Я был глупым и маленьким. А хотел быть большим и сильным! Кем-то, на кого направлены все взоры, кто удивляет и восхищает. Мальчишки моего возраста играли в супергероев, но я выбрал рыцарей — потому что они были необычными, и мало кто по-настоящему знал о них хоть что-то. Но оказалось, что если ты один обладаешь особым знанием, то и на признание рассчитывать нельзя — ведь никто не в состоянии оценить, насколько ты велик. Пришлось всё-таки искать подходящую аудиторию и заодно выращивать себе единомышленника. Так я оказался в Клубе Рыцарей Средневековья, а Лука стал моим оруженосцем в прямом и переносном смысле. И как знать — не несёт ли он моё оружие до сих пор? Потому что сам я его уже бросил. Точнее, поменял!

Писатель ведь тоже в некотором роде рыцарь; оружие его — перо. Но вот вопрос: достаточно ли оно отточено, чтобы суметь что-то действительно изменить? И имею ли я право использовать его? И в чьей власти, в конечном итоге, определять, кто и на что имеет право?

Ещё я много думаю о месте и времени. Где твоё место, сколько у тебя времени? Наступило ли оно, твоё время, и если да, то ты там, где должен быть, или ещё нет? Это вопросы, на которые необходимо получить ответ во что бы то ни стало, ты согласна? Ведь в противном случае вся жизнь может пойти прахом, оказаться бессмысленной и бесполезной — потому что ты не приложил усилия там и тогда, когда это необходимо. Как бы я хотел

найти своё место, по-настоящему своё! И сделать это вовремя. Потому что боюсь: а вдруг уже поздно?..

Прости! кажется, вопросов слишком много! Всё, как жизни, не правда ли? А так хотелось сказки!..

Глава 1. Как Лев выбрал комнату (или комната выбрала Льва)

*Ни умолять, ни плакать неспособный,
Я запер дверь и проклял наши дни.
А. А. Блок*

Впервые семья Моревых оказалась в этой квартире не в полном составе, зато вместе с риелтором — ведь при входе в любой новый мир полагается иметь провожатого. Его фигуру, неподвижно стоящую у подъезда, Лука заметил сразу при въезде во двор (недаром всё-таки тренировал наблюдательность).

— «Преславная, прекрасная статуя...»¹ — пробормотал он, обращаясь ко Льву. Тот почти неуловимо хмыкнул куда-то в сторону, а Соня ткнула младшего брата в бок: «Тише ты! Он идёт!»

В самом деле, человек у подъезда ожил и уже двигался навстречу их машине. Гладенький и круглый, в сияющей на солнце дублёрке золотистого цвета, он напоминал ярмарочный самовар. Правда, его блеск, казалось, слегка потускнел, когда Моревы, один за другим, начали выскакивать из машины на занесённый первым снегом тротуар.

— Здравствуйте, а вот и вы! — преувеличенно бодро воскликнул риелтор, раскрывая руки в воображаемом объятии. — А как вас много!

Это ненароком прорвавшееся удивление можно было понять — смотреть квартиры редко приходило больше двух человек, сейчас же перед ним явилось пятеро! «И это ещё мы не взяли с собой Катешу!» — вздохнул про себя Лука, которого всегда беспокоило, что о них думают люди.

— Здравствуйте, Владимир! Я Максим, очень приятно, — папа протянул руку, и риелтор энергично потряс её, одновременно почтительно кивая маме: «Очень рад Вас видеть!»

— Это моя жена Мария! Наши дети!

Риелтор широко улыбнулся Луке и Соне и повернулся ко Льву, чей рост (выше папы!) уже позволял считать его достойным мужских рукопожатий, однако тот продолжал стоять с отсутствующим видом, утопив руки в карманах куртки, и приветствие, как письмо Неумейке, не нашло адресата. Папа нахмурился, явно собираясь высказаться, но мама успела незаметно провести пальцами по его ладони, и он ограничился шумным выдохом:

— Извините!

Риелтор усмехнулся и, подняв вверх папку с документами, словно экскурсовод, двинулся к подъезду:

— Прошу за мной!

Прежде чем последовать его указаниям, Лука, однако, остановился и взглядом окинул дом снаружи. Он был пятиэтажный, очень старый (хотя, по меркам десятилетнего человека, почти все дома — старые), бледно-жёлтого цвета; только барельефы на фасаде были выкрашены белым и напоминали безе. «Не дом, а торт какой-то», — про себя неодобрительно покачал головой Лука, но вслух ничего не сказал, лишь пристроился рядом со Львом и вместе с ним вошёл в подъезд — мало ли что там, в темноте.

Поднимаясь, он слышал, что родители перешёптывались между собой, словно школьники в музее. Им нравился и дом, и район, но немного смущала цена — она казалась слишком низкой, и они искали подвох. «Может, это объект культурного наследия? И у нас появится обязанность как-то его охранять?» — донеслось до Луки неуверенное предположение мамы.

Риелтор уже ждал на площадке, стоя у раскрытой двери, как солдат в почетном карауле, а затем вдруг по-заячьи, в один прыжок, заскочил в квартиру и поманил их за собой. Его буквально распирало от важности — наверное, поэтому места в прихожей практически не оказалось, и все столпились на пороге. Он не знал, но пройти внутрь для семьи означало пересечь своеобразный рубеж — у Моревых ещё никогда не было по-настоящему «своей» квартиры, и каждый возлагал на неё собственные надежды.

— Не надо, не разувайтесь, — риелтор по-своему истолковал их нерешительность. — Здесь не мыто.

Тогда Соня, которая в свои почти шестнадцать лет отчего-то считала себя самой мудрой в бытовых вопросах и потому стояла первой, смело шагнула вперёд. За ней двинулись папа и мама, затем Лука, и последним — Лев.

Коридор был тёмным, в квартире ощущался запах цементной пыли и свежеструганной древесины (видимо, что-то пытались подновить перед продажей). На полу остались следы больших сапог. Лука принялся размышлять, кто же мог здесь ходить — хозяин, риелтор, другие покупатели? Он хотел присесть около следов, рассмотреть их внимательно, но едва достал из кармана лупу, как Соня обернулась и шикнула: «Ты опять за своё?!» Пришлось убрать драгоценный прибор обратно и ограничиться поверхностным осмотром.

Потолки в квартире были высокие, Лука заметил на них лепнину и стал раздумывать, кто и когда их строил, и могут ли где-то быть устроены тайники. Его мысли прервал крик сестры — Соня взвизгнула не хуже Катешки, увидев одну из комнат:

— Чур, это моя!

Луке совершенно необходимо было проверить, отчего она пришла в такой восторг, и он заглянул внутрь. Ничего особенного: комната как комната, небольшая, шага четыре-пять в ширину и пять-шесть в длину, с розовыми стенами и одним окном. Но Соня с огромной надеждой смотрела на родителей. Они улыбались, правда, не очень уверенно.

— Доченька, мы ещё не решили, — уклончиво сказала мама. — Давай посмотрим, как следует!

Соня тут же приняла свой фирменный вид каменного изваяния. Её тяжёлым взглядом можно было забивать гвозди. Или даже вколачивать сваи.

Делегация, однако, двинулась дальше. Следующая комната являлась точной копией предыдущей.

— Это для Катешки! — решительно провозгласила Соня.

— Для кого? — удивился риелтор.

— Мы так коротко называем младших дочек, Катю и Стешу, они у нас близнецы, — пояснила мама, не отрываясь от исследования стен.

— Не близнецы, а двойняшки, — буркнул Лука.

— А они утверждают, что близнецы! — вскинулась Соня и, повернувшись к риелтору, развернула свою мысль, чтобы не дать Луке продолжить. — Да! Знаете, они даже сочинили себе общее имя и отзываются только на него!

— Фантастическая парочка, — хмыкнул риелтор.

— Главное, что теперь я, наконец, буду жить отдельно от этой фантастической парочки, — доверительно сообщила ему Соня и обратилась к маме. — Мам, а когда можно будет замок поставить? У меня тут дверь не запирается!

Довольный риелтор замурлыкал, как кот. Он понял: сейчас Соня всё сделает за него. Заметив, что за ним наблюдают, подбоченился и весело подмигнул Луке, но тот, не ценивший подобную фамильярность по отношению к чужим детям, молча развернулся и вышел в коридор.

Его больше всего интересовали следы на полу, и он шёл по ним — куда-то вглубь квартиры, затем в обратную сторону. От мыслей его снова оторвал возглас, но на этот раз мамы.

— Лучик! Смотри, а это может быть твоя комната!

Лука подбежал к ней, заглянул через открытую дверь и скептически поднял бровь (он отдельно тренировался этому умению перед зеркалом уже месяц).

— Это? — уточнил он. *Помещение*, как он язвительно про себя назвал комнату, не вызвало в нем никаких эмоций — оно было не розовое (спасибо и на этом!), но какое-то скучное, да и по площади меньше предыдущих. Там поместится только диван-кровать и письменный стол. Даже стеллаж не удастся втиснуть, наверное.

— Это не комната, а каморка! И мы со Львом не можем без книжного шкафа! — сложив руки на груди, Лука отрицательно покачал головой.

— Это может быть твоя... спальня! — вышел из положения папа. — Будешь в ней отдыхать от всех! Тебе ведь хочется побыть иногда одному?

Лука нахмурился (это он тоже репетировал, получалось неплохо, даже угрожающе, но на родителей, к сожалению, впечатления не производило).

— Не хочется! Вы и так вечно уезжаете в свои командировки, а я остаюсь один, — пробурчал он, но мама с папой уже не слушали. Они покрутились на месте, сверились с планом и решили осмотреть ту небольшую комнату в дальнем конце коридора, которую предполагали отдать старшему сыну.

— Лев! Где ты?

Вся компания (кроме Сони, которая уже кружилась в своей розовой комнате, мысленно расставляя мебель) прошлась по квартире ещё раз, заглядывая повсюду, но Лев как сквозь землю провалился.

— Фантастика! — почесал в затылке риелтор. — Куда он мог подеваться?

Родители в растерянности переглянулись.

— Проверить подъезд? — неуверенно предложил папа. Мама закусила губу и кивнула.

— Он, что, мог сбежать? — риелтор окончательно уверился в мысли, что всё это семейство с причудами, когда старшие Моревы в ответ дружно замотали головами. — Или он лунатик у вас?

— Просто у него сложный период, он теряется... — неловко пояснила мама.

— И часто он так теряется? — заинтересовался риелтор. Оба удручённо молчали, и тот решил их не мучить, лишь понимающе покачал головой:

— Ничего, пройдёт! В конце концов, все мы были подростками!

— Не все! — сейчас же откликнулся подошедший Лука.

— Брысь! — Соня, тоже вдруг оказавшаяся рядом, сделала брату страшные глаза. — Сгинь отсюда!

— Соня, — укорил её папа. — Будь вежливой! Лука, а ты, правда, иди! Поищи Льва на лестнице!

«Весёлая семейка!» — хохотнул про себя риелтор.

Лука, подняв подбородок повыше, важно прошествовал мимо них в обратном направлении, Соня — следом, но только до комнаты, которую уже считала своей.

— Где же всё-таки Лев? — мама обеспокоенно взглянула на папу и взяла его за руку. — Если ему не понравилось здесь, если он из-за этого ушёл, то ты знаешь, я не соглашусь...

Тот нахмурился, высвобождая руку:

— Мы теперь всё время будем подстраиваться под его настроение? Девчонки лишатся возможности развезаться по разным комнатам из-за его дурного характера?

— У него не дурной характер, — мама немного повысила голос. — Он просто очень чувствительный!

Риелтор несколько раз вытащил из кармана телефон, очень надеясь на какой-нибудь (любой!) звонок, а сам в это время мучительно придумывал способ, как остановить надвигающуюся лавину, но никак не мог найти.

— В семье он должен находить поддержку, даже если его больше никто не понимает!

— Может быть, его никто не понимает, потому что он ничего не говорит? — папа тоже начал распяляться. — Месяцами молчать — это отличный способ быть понятым!

— У него тяжело на душе!

— От чего, интересно? От того, что он целыми днями лежит на диване?

Риелтор принялся усердно перекладывать документы из руки в руку.

— У него экзистенциальный кризис!

— Машенька, — как маленькой, принялся объяснять папа, и она ошетичилась ещё больше. — Экзистенциальный кризис бывает у людей зрелых, которые успели узнать, что такое жизнь! У семнадцатилетних бездельников не бывает!

— Максимушка, — в тон ему ответила мама, и он, фыркнув, отступил на шаг, сложил руки на груди. — Позволь тебе напомнить, сколько он успел узнать за свои семнадцать лет!

Она резко повернулась к риелтору, испуганно вцепившемуся в свою папку, и начала перечислять, загибая пальцы:

— Музыкальная школа по классу флейты и фортепиано, плавание, спортивная гимнастика, фехтование, верховая езда, клуб исторической реконструкции и секция стрельбы из лука! А ещё три иностранных языка, включая латынь!

— Ого! — на всякий случай громко поразился риелтор, но папа оборвал его:

— Но он же отовсюду ушёл! Он всё бросил, представляете?

Поскольку последняя реплика опять была обращена к нему, риелтор понимающе закивал, судорожно соображая, как ему поскорее выставить из квартиры этих сумасшедших.

— И он перестал разговаривать — вообще! В школе столько было проблем — сплошные прогулы! Нас послали к психиатру!

— Который, напомню, сказал, что с мальчиком всё в порядке — просто жизненный кризис! — сейчас же встрепенулась мама, и папа прикрыл ладонью глаза, будто заслоняясь от света.

Риелтор собирался сказать, что пришла пора, по всей видимости, поискать пропавшего на улице, но в этот момент вдруг послышался торжествующий крик Луки из прихожей.

— Я нашёл! Он здесь!

В конце узкого длинного коридора было видно, как он распахивает дверь, которую раньше никто не замечал.

Родители и риелтор, позабыв о начатых спорах, наперегонки ринулись туда, оттеснили Луку и смогли с облегчением убедиться: Лев был внутри. Он сидел в полуразвалившемся гобеленовом кресле посреди нагромождения лыжных палок, рваных коробок, мотков проводов, рулонов обоев с прилипшей штукатуркой и прочего подобного хлама. Но, если присмотреться, кроме очевидно ненужных вещей, его также окружали стеллажи, плотно уставленные книгами. Это была настоящая комната-библиотека! В свете, проникавшем из распахнутой двери, кружилась, вальсируя, ставшая видимой пыль. Наверняка, если поискать, и зелёная лампа обнаружится.

— Ой, Лев, — испуганно прошептала мама. — Ты что тут делаешь? Тут так темно!

— Как в склепе, — поморщился папа. — Пылища...

— А эти книги? Хозяйева их оставляют? — проходя внутрь, уточнила мама у риелтора. За первым же стеллажом она исчезла: книги стояли настолько плотно, что создавали иллюзию стены.

— Фантастика! — воскликнул риелтор, в восторге оглядываясь вокруг. — Я здесь бывал уже раз пять, но никогда не видел этого чулана! Его абсолютно точно нет на плане квартиры! Про книги уточню...

Едва он вышел, держа в руке телефон, Лука проскользнул ко Льву, который с невозмутимым видом продолжал сидеть в кресле, и осмотрел комнату с точки зрения брата. Она и

в самом деле больше всего напоминала библиотеку. Книги были повсюду, даже на полу — огромными, почти до потолка, стопками.

— Здесь нет окна! — догадалась мама. — Это не комната, а какой-то чулан!

— Должно быть, это гардеробная, — предположил папа. — В ней было бы в самом деле удобно хранить зимнюю...

— Нет! Это моя комната, — вдруг прервал его Лев. Все вздрогнули от неожиданности.

— Лев, но здесь нельзя спать, тут очень пыльно, наверняка нет вентиляции, и... — начал увещевать папа, но Лев снова не дал ему договорить:

— Это моя комната, я знаю. Я хочу здесь жить! Пожалуйста, папа!

Папа с мамой переглянулись. Лука понимал, о чём они думают: Лев впервые за долгое время чего-то захотел. Да что там — он впервые за два месяца использовал более двух слов подряд! Потому что, как и говорила мама, находился в состоянии кризиса: разочаровался в прежних идеях, выбросил свою рыцарскую амуницию и даже призы за турниры, кубки, медали — вообще всё! Да, правда, собрал в мешок и отправил в мусорный контейнер! Лука так плакал, просил оставить хотя бы «на память», но не помогло. Да и родители испробовали многое, чтобы вытащить Льва из этой пучины — безрезультатно. И вот сейчас, на их глазах, он начал выходить из своего анабиоза.

— Хорошо, но как же вентиляция... — папа попытался ещё раз, но теперь уже мама остановила его.

— А вентиляцию можно сделать самим!

Лука посмотрел на брата — тот улыбался затаённо, уголком губ. Наверное, он уже знал. Таким, как он, бывает доступно тайное знание.

Вопрос был решён. Лука вздохнул: он-то как раз надеялся, что затея с переездом провалится. Он не любил перемен, даже наоборот, — хотел бы вернуть то, что было.

— Зато появятся новые объекты для твоего анализа, — утешала Луку мама. — Ты собрал информацию обо всех, кого знал. Пришло время двигаться вперёд, расширять горизонты!

Глава 2. Новые горизонты

*Еще не раз вы вспомните меня
И весь мой мир волнующий и странный,
Нелепый мир из песен и огня,
Но меж других единый необманный.*

Н. С. Гумилёв

И вот они двинулись — уже в начале ноября началась та самая новая жизнь. Как всегда, мама была права — объектов для анализа у Луки стало гораздо больше. В день переезда он с таким напряжённым вниманием следил за перевозкой вещей, что даже Соня не выдержала.

— Ты чего там делаешь? Инвентаризацию? — насмешливо спросила она, глядя на то, как младший брат стоит в дверях своей комнаты и без остановки записывает что-то в блокнот, не сводя при этом глаз со спящих туда-сюда грузчиков.

— Я записываю приметы, — не отрываясь, пояснил Лука. — У нас побывало уже пять совершенно незнакомых людей! Надо быть начеку. Бдительность — главное оружие сыщика.

Соня фыркнула и, качая головой, скрылась у себя. Лука подождал немного — зашедший последним человек («красная форменная куртка, грязно-голубые джинсы, чёрная шапка с надписью «Артист»») никак не возвращался в прихожую, и это было подозрительно.

«Надо идти проверять мамины бусы — вдруг он там уже всё по карманам распахал? — подумал Лука, но одному хватать предполагаемого вора как-то не хотелось. — Позову Льва, он сильный».

Но стоило Луке сделать шаг за дверь, как на него налетела красная громада «Артиста» и густым басом отбросила назад, в его спальню:

— Будь внимательнее, мальчик!

Пришлось опять пережить — чтобы унять дрожащие от обиды губы. Как только грузчик скрылся на лестнице, Лука, стремительно миновав разделявшее их пространство, словно мячик, врезался в дверь комнаты Льва. От удара дверь распахнулась, и он ворвался внутрь.

— Лев! Лев!

Лука бухнулся в кресло, отчего оно жалобно крякнуло. Лев явился из-за дальнего стеллажа.

— Что в имени тебе моём?

— Понимаешь, там... Всем я мешаю! А я просто хотел помочь, — пробурчал Лука, насупившись. — Расскажи что-нибудь, мне скучно.

Но, к его удивлению, Лев почему-то не стал сочувствовать этому горю. Напротив, он поднял младшего брата с кресла и, взяв за плечи, повёл к выходу. Лука растерянно повиновался.

— Луч, ты уже большой, должен научиться занимать себя сам.

— Нет, я не хочу! — заныл Лука, поняв, что его сейчас действительно выставят, и попытался развернуться, чтобы влезть обратно, просочившись у Льва под мышкой, но маневр не удался — тот ловко поймал его, в мгновение ока вытолкнул в коридор и захлопнул дверь. Затем послышался щелчок запираемого замка.

Да, эта комната оказалась единственной во всей квартире, которая запиралась (ещё и на ключ!), и Лев пользовался этим вовсю. Если раньше, когда он был членом клуба «Рыцари Средневековья», его невозможно было застать дома, то теперь время, проведённое им вне стен комнаты, уменьшалось стремительно: Лев выходил оттуда только в случае необходимости посещения кухни и ванной. И иногда в школу — так, по-быстрому.

— Чем ты там занимаешься? — допытывался папа поначалу, и Лев отвечал:

— Читаю. Нельзя?

На этом моменте обычно подключалась мама, вступаясь за личные границы Льва:

— Можно, конечно, сынок! Читай на здоровье!

Лука слышал, как мама умоляла не лезть Льву в душу, лишь бы он был дома, а не пропал где-то, как в начале своего кризиса, когда папа и Соня бегали повсюду и искали его, а мама, бледная, как полотно, сидела в прихожей — Лука живо помнил те страшные дни. Потом Лев успокоился, конечно, но продолжал молчать; лежал, глядя в стену или в потолок.

Соня думала, что на переезд решились ради неё, но Лука был уверен — новую квартиру начали искать, чтобы Лев мог «сменить обстановку», как советовали психологи (Лука не подслушивал, разумеется, но в старой квартире были *очень* тонкие стены).

Идея, похоже, сработала. Теперь Лев снова разговаривал, хотя и не всегда вежливо, ходил в школу (с переменным успехом) и вообще вёл почти нормальный образ жизни. Однако главное — то, за что Лука любил брата больше всего: рассказы, игры, «рыцарство», — уже не было прежним. Теперь ему, с раннего детства привыкшему находиться рядом со Львом почти неотлучно, приходилось учиться самому искать себе занятие.

К счастью, на выручку пришли книги. К тому же, пользуясь тем, что семейная библиотека, изрядно расширившаяся с момента переезда, находилась именно в комнате Льва, Лука начал проситься к брату «взять что-нибудь почитать» — и хотя бы так проводил с ним время.

Вообще, Луке всегда сложно было среди незнакомых людей, он с трудом заводил знакомства, а уж в лицее (так полагалось называть новую школу) и вовсе пришёлся не ко двору. За то, что он не играет в компьютерные игры, и у него нет смартфона, одноклассники стали дразнить его «пионером». Почему-то им казалось, что это ругательство. А когда выяснилось, что он один не желает вместе со всеми сбегать с контрольной, терпение их окончательно иссякло.

Луку подкараулили после уроков и попытались доходчиво объяснить, как следует себя вести. Особенно старался Конев — самопровозглашённый лидер класса. Это был плотный паренёк, до смешного напоминавший молодого бычка, который все разногласия предпочитал разрешать в свою пользу. Когда его приближённые окружили Луку на стадионе, сорвали с него шапку и портфель, Конев начал разговор.

— Ты, чё с контроши не ушёл, как все, а? Ты реально такой тупой? — спросил он, наклонив голову так, будто собирался бодаться.

— Почему тупой? — не понял Лука. — Я проходил тест на уровень интеллекта, и у меня...

Конев оглянулся на одного из своих друзей, тот закатил глаза.

— Ты, чё, не догоняешь? Ты с этой контрольной нас подставил! Все ушли, и ты должен был уйти!

— Так ведь нельзя! И я... Я просто не хочу делать глупости, потому что могу просчитать последствия... — начал Лука, но съёжился и замолк под злобным взглядом Конева. Его товарищи зароптали, и он жестом заставил их замолчать, придвинулся ещё ближе — Луке в лицо ударила тошнотворная смесь запахов столовой, пыльных матов из спортзала и «задохнувшейся» одежды:

— Из-за тебя мы все получили по двойке!

— Но я же не виноват, что интеллект — моя сильная сторона! — попытался оправдаться Лука, но, как и следовало ожидать, *не нашёл понимания у оппонентов* (такие фразы он брал из газет, чтением которых порой баловался за завтраком, подражая известным литературным героям).

— Сильная сторона в нашем классе — это я, понял? Если ещё раз ты не сделаешь, как все, тогда... — презрение Конева было подкреплено наглядной демонстрацией увесистого кулака, и Лука решил воздержаться от каких-либо уточнений. Тем более что, уходя, эта компания

забросила его шапку на берёзу (откуда она, к счастью, быстро свалилась), а портфель зарыла в сугроб — так что ему было, чем заняться в следующую четверть часа.

— Ну, вот почему так, а? Я всего лишь хочу делать всё по правилам, а получается какая-то ерунда, — уже дома жаловался Лука брату, когда тот в виде исключения пустил его к себе в комнату и теперь утешал, обняв за шею.

— Завтра я поговорю с этим Коневым, — пообещал Лев, но Лука тут же отчаянно замотал головой.

— Нет, ты что! Будет ещё хуже! Ябедам, знаешь, как попадает!

— Ладно, ладно! — Лев ласково взъерошил ему волосы. — Но если он ещё раз тебя заденет, я всё-таки поговорю...

Коневу повезло: от «разговора» со Львом его спасло возвращение в класс Саши Дубова — человека, чей авторитет был непререкаем. Школьный чемпион по видеоиграм и знаменитый коллекционер, обладатель, в числе прочего, кусочка почти настоящего метеорита, он сразу заинтересовался необычным новичком.

Саша умудрился проболеть «ветрянкой» целый месяц и вернулся, когда у Луки уже сложилась весьма своеобразная репутация. Обо всех его злоключениях Саша знал из чата класса и, заочно окрестив новичка «Человек-и-закон», твёрдо решил держаться рядом. Потому что ему были интересны именно такие уникамы — своеобразные, редкие «птицы».

И они действительно подружились, в том числе, благодаря Сашиному характеру — весёлому и лёгкому. К новогодним каникулам ребята стали, что называется, не разлей вода, а к началу февраля Лука вообще объявил Сашу «сто процентным доктором Ватсоном».

Он поведал об этом брату как-то утром по дороге в школу, и тот искренне обрадовался:

— Значит, у тебя появился лучший друг! Это прекрасно.

Лука тут же запротестовал:

— Нет, мой лучший друг — это ты!

Лев ласково потрепал его по плечу: «Спасибо».

— А ты с кем-то подружился в классе? — довольный, что Лев так хорошо с ним разговаривает (прямо, как раньше!), продолжал Лука, но тот покачал головой — не то чтобы грустно, но как-то отрешённо:

— Увы, брат мой! Я из другой стаи.

Льву опять вспомнился первый день в лицее. Он тогда шёл по коридору к кабинету литературы и вдруг за углом услышал девичий визг, потом почти стон: «Отстань, Ерохин!»

Лев повернул на голос. У окна парень в широченных джинсах и футболке зажимал девушку с длинными чёрными — явно крашеными! — волосами, причём одна его рука уже была под поясом юбки, а вторая у неё на спине. Девушка отбивалась, дёргалась из стороны в сторону, но тот держал её крепко. Особенно поразило Льва, что совсем рядом стояли ещё двое парней, примерно его возраста, а поодаль у окна — девушки. Эти последние украдкой наблюдали за происходящим, делая вид, что увлечены разговором, а парни смотрели абсолютно откровенно. Льву на какую-то долю секунды показалось, что сейчас все со смехом разойдутся, бросив этот розыгрыш, или зазвучат аплодисменты артистам, блистательно сыгравшим свои роли в современной постановке под старым названием «Барышня и хулиган», но ничего подобного не случилось. Тот, которого девушка называла Ерохиным, продолжал мерзко ощупывать её, и никто ничего не предпринимал! Вынести этого Лев не мог. Он прошёл между двумя парнями, стоявшими ближе всех, на ходу снял рюкзак с плеча, развернул хулигана к себе и чётко произнёс:

— Отпусти девушку, она же сказала!

Тот заморгал от неожиданности, непонимающе посмотрел на него.

— Ты кто такой, рыцарь?

Лев, продолжая удерживать его левой рукой за плечо, повторил:

— Отстань от девушки.

Ерохин попытался выдернуть своё плечо из хватки Льва, одновременно со злостью выплюнув:

— Моя девушка — что хочу, то и делаю! А ты не лезь!

Ерохин сделал очередную попытку вырваться, и Лев не стал удерживать его больше, а, напротив, резко оттолкнул, и тот по инерции отлетел на несколько шагов от окна.

— Пока я здесь, ты её не тронешь, — не опуская головы, спокойно объяснил Лев.

Девушка, воспользовавшись изменением ситуации, быстро поправила юбку и — чего Лев совсем не ожидал — с победным видом отошла к подругам, которые тут же начали перешёптываться. Ерохин, наклонив голову вперёд и глядя на Льва исподлобья, сплюнул в сторону и зашипел, как чересчур наполненный воздушный шарик «с дырочкой в правом боку»:

— Ты кто такой вообще? Впервые вижу тут твою рожу! Правил не знаешь...

Лев лениво, с оттяжкой, осмотрел противника с головы до ног, слегка сощурился и, вдруг сделав большой шаг к нему, крепко схватил левой рукой за ворот футболки.

— Правило одно: выбирать противника следует себе по силам. Способен справиться только с девушкой? Вывод озвучить?

Зрители, которых собралось уже немало, в ужасе охнули.

Позже, описывая эти события, очевидцы даже не могли с полным правом использовать слово «драка» — было скорее ощущение, что двое одиннадцатиклассников кружат в каком-то странном танце: Ерохин пытался нападать, размахивал кулаками, но ни один удар так и не достиг своей цели. Лев необычайно ловко и мягко уклонялся от летающих тут и там рук противника, сам же ухитрился несколько раз чувствительно оттолкнуть его от себя, почти подорвав репутацию главного силача лицея. Единственный довольно сильный удар (ботинком в живот) Лев получил, когда разъярённый Ерохин, завопив: «Держите его!» — призвал на помощь своих друзей, и они схватили Льва за руки, лишив возможности защищаться. Это, разумеется, также нельзя было назвать настоящей дракой — теперь происходящее напоминало избиение. К счастью, именно в этот момент в коридоре появилась завуч Ирина Валентиновна, и Ерохин «со товарищи» в мгновение ока отпрянули от Льва.

Ирина Валентиновна, единственной характеристикой которой было слово «усталая», медленно и печально оглядела коридор и собравшихся в нём. От неё не укрылось, что Ерохин тяжело дышит, а Гусев и Марков рядом с ним мелко дрожат. Лев поднял с пола свой рюкзак и закинул его на плечо, как ни в чём не бывало. Он не собирался показывать, что ему больно.

— Что здесь происходит? — даже Ирины Валентиновны голос был усталым. — Ерохин, ты что, опять за старое?

Ерохин дерзко вскинул голову, и его друзья в точности скопировали этот жест.

— Да я-то ничё! Это вот этот начал чего-то меня хватать! Вы у него спросите, чё он! Откуда он взялся вообще-то? А?

Получилось, что Ерохин упрекает её, завуча, намекая, что по школе бродят какие-то неизвестные и хватают ни в чём не повинных учеников. Ирина Валентиновна хотела возмутиться и даже понимала необходимость рассердиться на его тон и манеру, но, увы, и этого она уже не могла — устала. Поэтому перевела взгляд на Льва.

— Только пришёл, Морев, и сразу — вот! — она неопределённо обвела рукой пространство между ним и остальными учениками. — На первый раз ограничимся предупреждением. Но учти, второго не будет — вызову родителей! А теперь вы, все, марш на урок!

Она сделала одно небольшое, энергосберегающее движение, переместив указующий перст в направлении открытой двери кабинета литературы. Ученики медленно, нехотя, развернулись и не слишком бурным потоком стали двигаться туда.

Лев — с молчаливого согласия всей толпы и своего собственного — шёл последним. Перед ним задержалась на несколько мгновений лишь та самая девушка, честь которой он

пытался защититъ. Он замедлил шаг, и она незаметным движением передала ему крошечный клочок бумаги. Ирина Валентиновна устало наблюдала за ними, поэтому Лев, не читая, сунул бумажку в карман брюк и пропустил девушку, а затем галантно склонил голову, предлагая завучу пройти вперёд. Она, удивлённо взглянув на него, вошла в класс, но осталась у дверей, наблюдая, как все рассказиваются. Лев остался там же — хотел понять, какое место свободно. Ирина Валентиновна несколько раз бросала на него короткие странные взгляды и делала маленькие шаги в сторону, словно ей было страшно стоять рядом с ним; затем, наконец, указала на пустую первую парту ряда, ближайшего к двери.

Едва Лев присел, как в кабинет вбежала маленькая и хрупкая, как фарфоровая статуэтка, учительница литературы.

— Вера Семёновна, у нас новенький, Лев Морев, — хмуро и, разумеется, устало приветствовала её Ирина Валентиновна.

Лев как раз встал и поприветствовал Веру Семёновну наклоном головы. Она была поразительно похожа на Дюймовочку из советского мультфильма — Лев улыбнулся ассоциации, а получилось, что улыбка досталась учительнице. Она тоже удивлённо кивнула, взмахнула ресницами и перевела взгляд на Ирину Валентиновну. Та еле заметно приподняла брови (на большее сил у неё не хватило) и вышла.

Класс нестройно встал, но тут же упал обратно на стулья с почти артиллерийским грохотом. Лев опустился на стул бесшумно и грациозно. Он знал, что все смотрят на него, и сделал это специально — пусть думают, что хотят. Иногда на него находило такое настроение, и он сознательно провоцировал своих недругов, но порой это получалось само собой — когда он просто-напросто забывался или улетал в свои фантазии, в далёкие прекрасные миры. Как раз сейчас он с трудом вернул себя за парту и вслушался в слова Дюймовочки.

— Итак, у нас по плану Блок... Кто прочтёт?

Зазвучали фамилии учеников, и все по очереди, переглядываясь, как под копирку, отвечали, что не готовы. Лев оглядывался на них, пытаясь понять — они действительно не учили, или хотят сорвать урок, или это какая-то игра? На лицах некоторых блуждали кривые ухмылки, но большинство отвечало скорее испуганно, чем нагло, — акция, похоже, была спланирована кем-то из заводил, а остальные просто не могли ничего поделать. Скорее всего, все боятся Ерохина, решил Лев, наблюдая, как тот развалился на последней парте первого ряда и развлекается тем, что налепляет жвачку на занавески. «Детский сад!»

— Морев!

Лев встал и посмотрел прямо на Веру Семёновну. Она, как ему показалось, была готова расплакаться, и он решил продолжить свои «подвиги». Он помедлил секунду, затем поднял подбородок повыше и уточнил:

— Какое стихотворение читать?

— Да хоть какое-нибудь! — в сердцах воскликнула Вера Семёновна, и в голосе её зазвонили слёзы. Лев серьёзно кивнул и начал декламировать, блуждая взглядом по небу за окном:

— *Странных и новых ищу на страницах
Старых испытанных книг,
Грежу о белых исчезнувших птицах,
Чую оторванный миг.*

Это было одно из его любимых стихотворений, и Лев не торопился, читал в упоении, размеренно — так, как ему самому нравилось. Он любил звучание этих слов.

— *Жизнью шумящей нестройно взволнован,
Шёпотом, криком смущён,*

*Белой мечтой неподвижно прикован
К берегу поздних времен...*

— Достаточно, спасибо! — Вера Семёновна прервала его, но с неохотой — на самом деле ей хотелось бы и дальше слушать этого необычного юношу, но она привыкла одёргивать себя, когда становилось слишком хорошо. — Удивительно! Это стихотворение редко читают, его нет в учебнике! Откуда ты его знаешь?

Лев пожал плечами.

— Мировая литература столь обширна. Она не ограничивается рамками учебника.

В классе установилась совершенная тишина — такая, о которой обычно мечтают учителя. Весь класс ждал, как отреагирует на это заявление, довольно смелое и резкое, Вера Семёновна. Ерохин впился в неё взглядом, мысленно умоляя поставить новичка на место, но она, как обычно, не оправдала надежд хулигана. Фарфоровая Дюймовочка посмотрела на Льва с удивлением и уважением.

— Совершенно согласна с тобой! — она чуть было не присвистнула («Надо же! Сумела найти единомышленника!»), но сумела быстро взять себя в руки и вернуться к теме урока. — Но всё же... По программе у нас «Вхожу я в тёмные храмы»... Ты можешь прочитать?

Вера Семёновна не ошиблась в нём.

— Да, разумеется, — Лев прочитал стихотворение целиком, причём так непринуждённо, словно мог бы декламировать и дальше, только скажи желаемое название. Впрочем, так оно и было — Лев очень любил стихи.

Класс пребывал в некоем подобии прострации. Девочки (или их всё же уместнее называть девушками?) не сводили с новенького удивлённых глаз, но по ним нельзя было понять — это восхищение его мастерством или ужас в стиле «безумству храбрых поём мы песню». Вера Семёновна кивала в такт звучащим строчкам, и ей не было до их взглядов никакого дела, как, впрочем, и Льву, а вот парни, почти все, мрачно переглядывались.

Когда Лев закончил, Вера Семёновна не стала скрывать восторга:

— Давно я не слышала такого проникновенного чтения стихов! Ты занимаешься в театральном кружке?

Лев отрицательно покачал головой, но учительницу, казалось, это даже обрадовало.

— В таком случае, это ещё более впечатляет! — она с видимым удовольствием кивнула Льву, чтобы он садился, и принялась что-то писать в журнале. — Ну что ж, а кто у нас опять ничего не выучил, получает «два»? Не обессудьте, ребята! Был уговор.

Поднялся гул недовольства; Ерохин оскалился, как волк, и зарычал что-то на ухо своему соседу по парте, но счастливой учительнице уже ничто не могло помешать назвать этот день лучшим в её школьной жизни. Она впервые спокойно и без смущения пообещала не допустить до итогового сочинения тех, кто не в состоянии успокоиться, и вновь погрузилась в художественный мир лирики Блока.

Когда зазвенел звонок, Лев вспомнил про записку у себя в кармане и решил дожждаться, когда все выйдут из класса, чтобы прочитать её без лишних свидетелей. Но, когда кабинет опустел, Вера Семёновна подошла к парте Льва и тихо сказала:

— Будь осторожен с Ерохиным. Он давно стоит на учёте в полиции.

Лев удивлённо моргнул, решив, что ослышался, но у Дюймовочки был совершенно серьёзный вид. Она кивнула каким-то своим мыслям и вышла.

Лев быстро вытащил записку, развернул и прочёл: «Приходи после уроков на стадион». В этот момент в класс начал заполняться учениками другой параллели, и он решил подумать обо всём этом по дороге на следующий урок.

Выйдя в коридор, он с удивлением заметил, что та самая девушка, чью честь он защищал, пряталась за выступом стены, и нигде не было видно ни её подруг, ни подпевал Ерохина. Он

постоял секунду в дверях и двинулся не к ней, а в противоположную сторону, к кабинету математики; она побежала следом, держась на некотором расстоянии. Около лестницы она вдруг ускорила шаг, схватила его за рукав, коснувшись запястья. Лев отдернул руку, словно обжегшись, и она с удивлением посмотрела на него.

— Ты чего? — спросила девушка. Он даже не знал её имени! Только фамилию — Севастьянова. «Что ей нужно?» Лев нахмурился. Ему показалось, она приблизилась на критически близкое расстояние, что было странно и нелогично. — Я просто хотела сказать тебе спасибо... Ты один заступился за меня, и всё такое... Ну, ты это... Прочитал записку? Придёшь?

Севастьянова беззастенчиво взглянула Льву в глаза и опять схватила его за рукав, но на сей раз явно специально провела пальцами по запястью. Лев хотел ответить, но ему помешал звонок, задребезжавший так мерзко и яростно, будто кто-то казнил жестяное ведро, — и он лишь коротко кивнул в ответ на её последний вопрос.

На алгебре Лев решил не высовываться — и так привлёк к себе излишнее внимание, которое ему уже порядком надоело. Он обдумывал, как расценивать поведение Севастьяновой, и несколько раз тайком смотрел в её сторону. Вообще-то, такие девушки были не в его вкусе, но он успокаивал себя тем, что у неё могло быть не слишком удачное окружение, повлиявшее на выбор причёски, макияжа, стиля одежды... Да и, в конце концов, если она просто хочет сказать ему спасибо наедине, это ни к чему не обязывает. Может быть, ей тоже одиноко здесь, её никто не понимает, и она хотела бы рассказать, почему Ерохин ведёт себя с ней как с собственной вещью.

Конечно, Лев отправился на стадион после уроков, и там его, в самом деле, ждала встреча — но вовсе не с Севастьяновой. Примерно дюжина человек окружила его; все они молчали. Лев внутренне собрался, как всегда перед схваткой, и невозмутимо посмотрел на подошедшего последним Ерохина. Тот сплюнул на снег и, задрав голову, хрипло спросил:

— Так что, рыцарь, побазарим?

— Я к Вашим услугам, — подтвердил Лев, слегка кланяясь. — Но если речь о поединке, то это значит: один на один, и я...

Вокруг загоготали, и он понял: о чести они не имеют ни малейшего понятия. Но гораздо ужаснее оказалось то, что девушки тоже присоединились к ним, и настроены они были явно поддерживать своих парней. Севастьянова подбежала к Ерохину, почти прыгнула к нему на шею, и они принялись грязно и развязно целоваться. Лев поморщился, а все вокруг опять засмеялись. Конечно, он не ожидал подобного. Или, наоборот, именно этого и ожидал — в конце концов, столько уже раз люди предавали его лучшие чувства. Он опять поступил глупо, опять влез туда, куда его не просили, и теперь поплатится за это. Опять.

— Речь не о поединке, — поставив Севастьянову на землю, но продолжая держать её за талию, Ерохин опять сплюнул и ухмыльнулся. — А о том, что ты должен извиниться передо мной за то, что влез в мои отношения с моей девушкой! А ещё за то, что выкинул на литературе — тут уж всех касается, да, пацаны?

Его подпевалы дружно загудели, и он повёл рукой в жесте, который, по всей видимости, должен был означать «Ты сам всё видишь».

— Давай, рыцарь, на колени — и извиняйся. Накосычил ты по полной!

Лев в ответ только фыркнул и не сдвинулся с места. Тут же, по знаку Ерохина, его опять схватили за руки, выкрутив их в разные стороны, и попытались нагнуть к земле, но Лев недаром столько лет посвятил рыцарской подготовке — он внезапно развернулся и, поднырнув под свои же скрученные руки, резко дернул вниз своих противников так, что они, охнув, столкнулись лбами. Лев отскочил от них и вновь предстал перед Ерохиным. Тот не смог справиться с собой так быстро — у него на лице было написано неопишное удивление.

— Я никогда ни перед кем не извиняюсь, — сообщил ему Лев, закинул рюкзак на спину и пошёл прочь со стадиона.

— Взять его! — услышал он сначала возглас, а затем топот и крики. Пришлось обернуться и принять бой. А потом принимать ещё бесчисленное количество раз. И что она всё не уймётся, эта стая шакалов?

— Кстати, а ты знал, что «стая» по-болгарски значит «комната»? — вдруг вклинился в его внутренний монолог Лука, и Лев даже замотал головой, возвращаясь в реальность. Всё это было так давно — с тех пор прошло целых три месяца, а если брать в расчёт время, проведённое в Комнате, то, наверное, больше года. Тем не менее, жить проще не стало, и при упоминании одноклассников воспоминание кололось, как забытая в кармане булавка.

— Что, прости? Я отвлёкся, — Лев с трудом совладал с желанием развернуться и уйти домой, но, взглянув на румяную, счастливую мордашку брата, решил всё-таки взять себя в руки. — Повтори, пожалуйста!

Лука с готовностью кивнул и начал сначала.

— Ты сказал, что ты из другой стаи, а по-болгарски «стая» — «комната», получилось, ты как будто бы из другой комнаты! — он хихикнул в ладонь и доверчиво глянул на Льва. — Смешно, правда?

— Правда, — кивнул Лев, коротко обнимая его. «Я ведь, и самом деле, из другой комнаты, — подумал он уже про себя. — И как было бы здорово сейчас оказаться в ней».

Он тут же вспомнил свою первую встречу с Комнатой.

В тот день, когда пришли смотреть квартиру, и Соня с родителями исчезли в недрах нового жилища, а Лука побежал их контролировать, Лев долго стоял в прихожей, привыкая к полумраку. К его удивлению, скоро он заметил на стене очертания двери, из-под которой лился свет. Заинтригованный, он подошёл и взялся за допотопную ручку. А затем открыл комнату — и пропал.

Глава 3. «Диванный детектив»

*В 1917 году в Вашингтоне я познакомился с молодой женщиной,
которая не произнесла фразу «какая интересная у вас работа!»*

Дэшил Хемметт

«Из воспоминаний частного детектива»

Никто в семье ничего не знал об этом, как и о том, что в точности там, в комнате, происходит, — Лев свято хранил свой секрет. У Луки было множество версий, но поскольку войти внутрь и подтвердить или опровергнуть их было невозможно, он с головой погрузился в детективы попроще — где ответ всё-таки находится к концу книжки.

Тайна, Загадка и Расследование — вот три кита, на которые он водрузил свой новый мир в ожидании возвращения Льва к царствованию в прежнем, и, неожиданно для самого себя, принял решение стать профессиональным сыщиком. Тем более, возраст уже требовал серьёзности и ответственности — всё-таки пошёл второй десяток (в начале февраля ему, наконец, исполнилось одиннадцать)!

Теперь Лука стал интересоваться не только литературными, но и реальными расследованиями. Он даже купил Уголовный кодекс, но, к большому сожалению, почти ничего в нём не понял и пришёл к выводу, что ему совершенно необходимо чьё-то руководство. На худой конец, руководство типа тех, что написаны «для чайников». Хорошо, что Лев всегда понимал его, как никто другой — на день рождения он подарил брату замечательную книгу под названием «Справочник частного детектива».

Получив это сокровище, Лука немедленно прочёл его от корки до корки, а затем начал смаковать по страничке, по статейке — о, это было чистое удовольствие! А ещё он, конечно, принялся мечтать, как применит все эти прекрасные новые знания в деле! И случай вскоре представился.

Воскресным утром, войдя на кухню со «Справочником» в руках, Лука обнаружил там Соню. Она была расстроена — вытирала глаза, не отрываясь от экрана телефона. Лука налил стакан воды, подошёл к ней, остановился и стал смотреть на неё в упор. Она шмыгнула носом, перевела взгляд на него и спросила:

— Чего тебе?

Он молча протянул ей стакан. Соня с удивлением приняла, сделала глоток и поставила на стол, ожидая, что брат тут же развернётся и уйдёт, но Лука вместо этого уселся на табурет и серьёзно спросил:

— Что-то случилось? Помощь нужна?

Соня удивлённо подняла брови, снова шмыгнула носом, и взгляд её упал на обложку «Справочника». Она оживилась.

— Слушай, так ведь ты же у нас детектив!

Лука саркастически ухмыльнулся.

— Как ты догадалась?!

Соня привычным движением дёрнулась, чтобы дать ему подзатыльник, но он ловко уклонился, поднырнув под её руку, и скатился с табуретки.

— Да стой ты! — Соня ухватила его за руку и притянула обратно. — Сам предлагаешь помощь, а потом издеваешься!

Лука устроился поудобнее и заинтересованно посмотрел на неё. Соня отодвинула телефон на край стола, наклонилась к нему ближе, задержала дыхание на некоторое время и, наконец, решила.

— Я тебе расскажу. Но, чур, никому ни слова, понял? Ни родителям, ни Льву!

Лука слегка отодвинулся от неё.

— О чём? В чём дело-то?

Соня, прежде чем заговорить, снова вдохнула и медленно выдохнула.

— У меня есть парень.

Лука открыл рот, чтобы что-то сказать, но Соня тут же зажала его своей рукой, испуганно оглядываясь.

— Тише ты! Это секрет!

Лука оттолкнул её руку:

— Могла бы и словами предупредить. Рассказывай!

— В общем, мой парень, Серёжа Панкратов, он из одиннадцатого «Б», знаешь, наверное, такой... Высокий.

Лука хмыкнул. Соня злобно прищурилась.

— Чего? Он из одной параллели с нашим Львом, мы познакомились... Словом, неважно. Главное — мне кажется, что он мне изме... Ну, что он гуляет одновременно и со мной, и с другой девчонкой. Понимаешь?

Лука приподнял одну бровь и хитро улыбнулся.

— Понимаю! Хочешь его вывести на чистую воду? Изобличить? Получить доказательства измены?

— Тише! Не хочу я никаких доказательств... То есть... В общем, я хочу, чтобы ты за ним проследил!

Лука резко перестал улыбаться.

— Я?

— Конечно, не я же! Меня-то он сразу узнает, да и не только он! Ты мелкий, незаметный, можешь зайти, проверить, сфотографировать!

Лука замотал головой. Соня нахмурилась.

— Что такое?

Лука покусал губу. Переложил книгу из одной руки в другую.

— Короче, скоро будет вечеринка одиннадцатых классов, и там будет *эта* — Шешенина! И мне нужно знать, есть у них что-то или нет! Понял? Вечеринка у Каримова, и у него два младших брата, которые вечно слоняются где-то поблизости, на них никто уже не обращает внимания! И ты можешь тоже с ними потусоваться, а заодно и всё разузнать...

Лука медленно встал с табуретки и начал пятиться от неё с испуганным видом.

— Нет, я не могу, так нельзя. Это незаконно!

Соня посмотрела на него в недоумении.

— Что незаконно? Проверить, будет ли Серёжа танцевать с Шешениной?

— Следить за людьми... Сейчас, найду!

Лука сейчас же открыл «Справочник», быстро перелистал и, найдя нужные строчки, начал читать вслух:

— «Запрещено собирать сведения, связанные с личной жизнью, политическими и религиозными убеждениями...»

Соня наклонилась и потрогала рукой его лоб.

— Ты здоров или как? При чем тут политические убеждения? Я просто прошу тебя посмотреть, что там будет! Тебе сложно, что ли?

— Так нельзя! Я не могу!

— Ты же с утра до вечера играешь в детектива! Разве они не этим занимаются?

— Нет, детективы должны соблюдать закон! И Конституцию, статью двадцать три! — Лука снова ткнул пальцем в книгу.

— То есть, лежать на диване и решать вымышленные загадки ты можешь, а реально помочь родной сестре — нет?

Лука опустил голову, и Соня презрительно фыркнула.

— Спасибо, господин Диванный Детектив! Теперь я знаю, чего ты стоишь! Трус!

Она умчалась к себе и яростно хлопнула дверью. Из двух других комнат сейчас же посыпались всевозможные «Что такое?» и «Хватит стучать!», а потом всё опять стихло. Кроме, разве что, тиканья часов где-то в квартире.

Лука остался один в пустой кухне. Ему было обидно, но при этом почему-то очень хотелось оправдаться, и, за неимением другого собеседника, он обратился к своему верному «Справочнику».

— Сонька только и умеет, что обзывать! Никакой я не трус. Я просто человек с высокой степенью правосознания. Я знаю, что законы нужно соблюдать! — с этими словами он, гордо подняв подбородок, вышел из кухни и отправился туда, где его должны были понять.

— Лев,пусти меня!

Глава 4. «Дело о пропавших паспортах»

*Во всём мне хочется дойти
До самой сути...*

Б. Л. Пастернак

Внутренний календарь Луки: ПЯТНИЦА. ВРЕМЯ, КОГДА ВСЁ НАЧАЛОСЬ.

Лука сидел за фортепиано в гостиной и играл гаммы. Он многократно повторял одно и то же, словно раз за разом, без усталости, поднимался по маленьким ступенькам вверх, а затем спускался вниз. Но то ли он ходил по кругу, то ли лестницы всё не заканчивались, лишь изредка прерываясь на столбики, по которым нужно было прыгать (*staccato*), или гладкие дорожки, по которым он скользил (*legato*), а у движения «плав-но-вверх-ско-рей-на-ве-ерх, те-перь-вниз-всё-вре-мя-вни-и-з» не было конца. Это очень выручало — ему не нужно было думать, руки играли сами, а он мог спокойно заниматься куда более интересными делами, например, читать (нетрудно догадаться, кто научил его этому фокусу).

И всё было просто прекрасно, но внезапно за спиной Луки возникла Соня и резко схватила книгу, лежавшую у него на коленях (это был «Пропавший брат» из комнаты Льва). Движение «по лесенке» оборвалось.

— Эй, ты что творишь?! — закричал Лука и вскочил, пытаясь отобрать у неё «Брата».

— Хватит уже, сил нет слушать это! — огрызнулась та. — Мама с папой опять уезжают, а тебе и дела нет!

— Уезжают? Опять! Когда? Мам!

Он бросил книгу, только что вырванную из рук Сони, на диван и помчался в комнату родителей. В самом деле, там повсюду были разложены сумки, пакеты, рюкзаки с оборудованием и прочие атрибуты их отъездов, а мама в раздумье стояла над раскрытым чемоданом, держа в руках аккуратно свернутый папин свитер.

Лицо Луки горестно вытянулось:

— Мам, вы опять уезжаете?

— Да, сыночек! У нас командировка на Камчатку! Там потрясающе красиво! — в упоении она прижала свитер к груди, но тут же, опомнившись, принялась искать для него местечко среди вещей.

— А мы? А как же мы? — запричитал Лука, подбегая к ней и заглядывая в глаза. — Ведь вы обещали, что следующая поездка будет всей семьёй! Я думал, мы поедем в Выборг! Там и площадь, и башни, и всякие рыцарские турниры, и настоящий замок! Я же вам рекламу показывал, помнишь?

— Лучик, но мы же едем не отдыхать, а работать! Это другое, — мама нагнулась и поцеловала его в нос. — А на отдых сначала нужно накопить.

— Да мы всю жизнь копим-копим, а отдых так и не наступает!

Он обиженно засопел.

— Вы вот все время с папой ездите, а вместе с нами никогда! Это нечестно! — ему вдруг стало так жалко себя, что он вправду чуть не заревел. Но мама не была настроена продолжать этот разговор.

— Мы ездим по работе! — отрезала она. — Хватит об этом!

Лука развернулся и, громко топая, вышел. В своей комнате он со всего маха плюхнулся на диван, скрестил руки на груди и забурчал себе под нос:

— Вот так всегда! Всегда они уезжают, а мы остаёмся!

Тут к нему заглянули младшие сёстры и, как обычно, добавили огорчений.

— А вот и нет! — радостно закричала Катя. — Мы тоже уезжаем!

— Да, мы едем к бабуле и дедуле! — подхватила Стеша. — И будем там гостить целую неделю! У нас будет приключение!

Обе высунули языки и стали строить ему рожи. Лука, поморщившись, бросил в них подушкой, и они с визгом унеслись к себе.

— Так нечестно! Я тоже хочу приключения! — окончательно надулся Лука. — Мама! Мама!

Вскоре мама появилась в дверях его комнаты.

— Лучик, ну какие приключения? У тебя школа, третья четверть в разгаре, как ты уедешь? — она села рядом с ним на диван, стала нежно гладить по голове.

— А как уезжают Катеша? — обиженно выпятив губу, спросил Лука.

— У них же дополнительные каникулы, как у всех первых классов, — словно извиняясь, напомнила ему мама. — Мне нужно закончить сборы! Не сердись, малыш!

Лука застонал, и она, поцеловав его в утешение, ушла к себе.

— А вдруг Катеша не хотят ехать к бабуле и дедуле? — подумал внезапно Лука. — Ведь их наверняка и не спрашивали... А если они...

Он устроился поудобнее на диване, взялся рукой за подбородок и начал размышлять.

Обстоятельства дела рисовались ему примерно следующим образом.

Мама вбежала в кухню, где за столом завтракали Соня, Лев и Лука. Она была встревожена — между бровями залегла складка, волосы выбились из хвостика и при каждом движении щекотали ей шею, вынуждая поводить плечами. В руках мама держала прозрачный пластиковый конверт на кнопке — очевидно, пустой.

— Дети, вы не видели наши с папой паспорта?

Лев и Соня отрицательно помотали головами. Лука округлил глаза:

— А что случилось, мам?

— Вот начала собираться, а паспортов нет! Куда они могли подеваться, ума не приложу!

— Я даже не знаю, где вообще лежат документы, мама, — сказал Лев. — Лучше обратиться к нашему семейному сыщику.

Лев серьёзно перевёл взгляд на Луку. Тот вскочил с места.

— Лучик, правда, подключи все свои аналитические способности, помоги мне! — умоляюще проговорила мама.

Лука кивнул и деловито оглядел всех присутствующих.

— Конечно, мамуль, с удовольствием! И так, первым делом исключим очевидный вариант — мог их взять папа?

Мама охнула и схватилась за телефон, набрала номер.

— Максим! Ты брал наши паспорта?

Все напряжённо вслушивались в бормотание на том конце, пока через несколько секунд не стало ясно, что нет, папа не при чём. Лука наморщил лоб, взялся двумя пальцами за подбородок.

— Если папа не брал, как мы только что выяснили, то остаётся две версии: первая — паспорта упали за комод, за кровать, за шкаф, в общем, они где-то в вашей комнате, — развил свою мысль Лука.

— Это невозможно! — категорично заявила мама. — Я осмотрела там каждый сантиметр! И перелистала все бумаги! Вторая версия?

— Неприятно это говорить, но вторая версия — что паспорта всё-таки кто-то взял. И это кто-то из семьи.

Все переглянулись. Соня не выдержала первой.

— Я не брала! Я вообще не заходила к вам в комнату!

Мама кивнула и перевела взгляд на Льва, тот развел руками.

— Я — тем более.

— Я тоже, конечно! — тут же подхватил Лука.

И в этот момент мама, Лев, Лука и Соня встретились взглядами, дружно перевели их в сторону коридора и протянули в один голос:

— Катеши!

Все четверо вскочили и почти наперегонки понеслись в комнату младших.

Соня резко распахнула дверь. Катя и Стеша сидели на полу между своими кроватями и причесывали кукол. Обе удивлённо посмотрели на стоящих на пороге Льва, Соню, Луку и маму, потом переглянулись между собой.

— Чего вы все пришли?

Мама присела перед ними на корточки.

— Доченьки, скажите, пожалуйста, вы не брали случайно наши с папой паспорта? Бордовые такие книжечки.

Катя и Стеша снова взглянули друг на друга и опять принялись с независимым видом расчесывать кукольные косы.

— Нет, мы никаких книжечек не брали. Мы все время играли здесь! — как обычно, ответила за обеих Катя, а Стеша просто кивнула.

— Понятно же было, что они не скажут! — презрительно фыркнула Соня.

Мама обернулась к Луке с мольбой в глазах. Он секунду сосредоточенно смотрел куда-то в пустоту, потом повернулся к маме и Льву и удовлетворённо улыбнулся.

— А это и не требуется, можно всё узнать с помощью логики! Я думаю, дело было так! О том, что паспорта вам с папой понадобятся для поездки, мы все узнали только недавно, значит, это не было спланировано! Девчонки, скорее всего, забежали в комнату, пока ты, мама, была в ванной, залезли в ящик и тогда...

Лука подержался пальцами за подбородок в притворной задумчивости.

— Куда они могли их спрятать? Это должно быть место, до которого легко добраться, потому что у них было мало времени, чтобы придумать и осуществить это. Значит, оно где-то в квартире. Это должно быть место, которое они уже использовали и которое им кажется надежным, потому что они бы не успели придумать новое! Исходя из этого, я думаю, что...

Лука с торжеством оглядел маму, брата и сестер. Все, включая Катешу, смотрели на него, не отрываясь.

— Нет догадок? Тогда за мной! — и все побежали.

Пунктом назначения оказалась кухня. Лука финишировал у холодильника, грациозно распахнул морозилку и жестом фокусника вытащил из-под пачки обледелой морковки два паспорта в прозрачных пластиковых обложках. Мама на радостях обняла сына-спасителя, Соня застыла с полураскрытым ртом, а Лев хлопнул Луку по плечу. Тут к маме на шею запрыгнули плачущие Катя и Стеша.

— Кисоньки мои, зачем вы это сделали?

— Мы не хотели, чтобы вы с папой уезжали! — сквозь слезы ответила Стеша, а Катя...

— А что я? Что я? Ты про что?

Лука заморгал, отряхаясь от своей фантазии, и сел на диване. Оказывается, Катеша уже какое-то время стояла рядом, а, поняв, какую роль играют в этой истории, весьма и весьма разозлилась.

— Мы не преступницы! Вот тебе! Вот тебе за то, что сочиняешь про нас всякую ерунду! — вымещали своё возмущение сёстры, от души колотя его диванными подушками, и от их крика у Луки даже заложило уши. — Мы никогда не крали паспорта! И мы хотим ехать к бабуле и дедуле! Мы хотим приключения! А ты — нет! Ты только врешь! И преступлений никаких не раскрываешь!

Он, конечно, не стал бить их в ответ (Лев считал, что это не по-рыцарски), а просто конфисковал «оружие». Они в долгу не остались и подключили «тяжёлую артиллерию» — свои дразнилки.

— Соня сказала, что ты ничего по правде не умеешь! Ты диванный детектив! — ввернула Катя, а Стеша, как обычно, подхватила:

— Ты всё время на диване валяешься!

— Диванный детектив! Диванный детектив! — опять загалдели обе, и Лука больше не мог этого выдерживать без слёз — убежал и спрятался на кухне под столом. Девочки бросились за ним, крича: «Диванный! Диванный!» — но, к счастью, мама поймала их и забрала одеваться, поэтому, когда пришло время прощания, Лука уже немного успокоился и смог выйти в прихожую.

Там столпились все отбывающие, и папа предложил:

— Присядем на дорожку! Ну, давайте, всей семьёй!

— А как же Лев? — едва собравшийся опуститься на пуфик у вешалки Лука вскочил и подбежал к двери Льва. — Лев, выходи! Надо попрощаться!

Все шестеро в напряжении уставились на дверь.

— Лев! — не выдержал папа, поднимаясь с табуретки. — Мы опаздываем!

В этот момент ключ в замке повернулся, и Лев появился на пороге. Лука похлопал по своему пуфику, приглашая брата сесть, и тот медленно, словно нехотя, подчинился. Папа хотел что-то добавить, но мама успокаивающе погладила его по руке, и он смолчал. Лев сел на предложенное ему место, а Лука — ему на колено. В напряжённой тишине прошло несколько мгновений, и наконец, хлопнув в ладоши, папа поднялся:

— Ну, всё, ребятки, поехали!

Вновь поднялся невообразимый гвалт — от переругиваний Сони и Луки, радостных воплей Кати и Стеши, комментариев мамы и папы, и среди всего этого никто не успел заметить, как Лев снова ушёл в свою комнату и запер дверь. Родители поцеловали старших детей, подхватили младших и отбыли.

Неожиданно стало так тихо, что Лука услышал тиканье часов в прихожей.

«Я и не знал раньше, что эти часы тикают!»

Он повернулся, чтобы рассказать об этом Льву, но того не было рядом.

«Опять в комнате», — с досадой подумал Лука. Тут взгляд его упал на входную дверь — в неё, только что закрывшуюся за родителями, выходила Соня.

— А ты куда? — удивлённо спросил он ей вслед.

— Наслаждаться заслуженной свободой! Чао! — пропела она и скрылась из вида, напоследок послав ему воздушный поцелуй.

— Вот так! — сказал Лука своему отражению в зеркале. — Что толку иметь большую семью, если в итоге всё равно остаёшься один!

Лука постоял ещё несколько мгновений в прихожей, а потом решительно направился к двери Льва. Игнорируя табличку, на которой было написано «Закрyто, не стучать», он принялся колотить в неё кулаком:

— Лев! Лев! Открой!

Глава 5. Лев исчезает и появляется

Люси немного испугалась, но любопытство оказалось сильнее, чем страх.

Она оглянулась через плечо: позади, между тёмными стволами деревьев, видна была

раскрытая дверца шкафа и сквозь неё — комната, из которой она попала сюда...

Там, за шкафом, по-прежнему был день.

«Я всегда смогу вернуться, если что-нибудь пойдёт не так», — подумала Люси и двинулась вперёд.

Клайв Льюис

«Лев, Колдунья и платяной шкаф»

Спустя некоторое время послышался шум, и дверь открылась. В проёме показался Лев, и вид у него был недовольный.

— Сударь, Вы недостаточно образованны, чтобы прочесть эту надпись? — мрачно спросил он, взглядом указывая на табличку.

Но Луку не так-то просто было сбить с цели.

— Читать я как раз умею! Поэтому и пришёл! — ради достижения её он умел применять даже запрещённые приёмы, например, безукоризненную вежливость. — Можно зайти, пожалуйста? Мне нужно взять книгу.

Лев сам учил его когда-то, что вежливости открываются все двери, и возразить сейчас не мог. Лука прошёлся вдоль полок, окинув их взглядом, как полководец, критически оценивающий поле будущей битвы, затем провел пальцами по корешкам, краем глаза наблюдая за братом, и, наконец, спросил:

— Что ты пишешь?

— Письмо, — сухо ответил Лев, не отрываясь от своего занятия. — Ты выбрал?

— Да, — Лука тяжело вздохнул и не глядя взял очень потрёпанный томик. Лев глянул из-за плеча на книгу:

— Опять «Шерлок Холмс»? Ты его ещё наизусть не выучил?

— Мне нравится его метод! — азартно улыбнулся Лука, надеясь вовлечь Льва в разговор и побыть с ним подольше. — Я тоже буду использовать дедукцию в своей работе! Ой, Лев, знаешь что? Мы же с Сашей сегодня решили, что когда вырастем, откроем детективное агентство и назовём его «Лукоморье»! Здорово, да?

Ах, как прекрасно они с Сашей всё устроят! Уже было продумано в деталях, как они будут ждать клиентов в небольшом уютном офисе с креслом-мешком и креслом-грушей, висящим на крючке в потолке; как у них будет жить чудесная кошка с разными глазами по имени Миссис Хадсон, и она будет спать на окне; как Лука будет наигрывать любимые мелодии на пианино, а Саша строчить на компьютере отчёт об очередном закрытом (или раскрытом?) деле.

Всегда поблизости будет кофейня с самым вкусным горячим шоколадом и круассанами, и Саша (а порой, чтобы поразмяться, и сам Лука) будет бегать туда за очередной порцией радости и вдохновения.

И как, стряхивая с ботинок опавшие листья, к ним зайдёт...

— Да, здорово! — неожиданно решил поддержать его Лев. — Но разве Саше не обидно, что в названии зашифровано именно твоё имя? Может, лучше назвать агентство «Сашедубье»?»

— Ах так! — Лука с размаху бросил книгу на стоящий рядом стул и прыгнул Льву на плечи. Но тот словно того и ждал — он вдруг ловко повернулся, сплёл руки брата, легко уложил его на пол и начал немилосердно щекотать. Лука хохотал, как безумный, впрочем, Лев не отставал от него. В один из моментов Луке удалось сделать обманный ход, он повалил Льва и уселся ему на живот, уперев руки в грудь.

Тот засмеялся, поднимая раскрытые ладони:

— Пощады! Сдаюсь на милость победителя!

— Вот и правильно, гражданин Морев! — удовлетворённо кивнул Лука, глядя на него сияющими глазами. — Вы приговариваетесь к чтению сказки! Немедленно!

— О, нет, только не это! — притворно застонал Лев, закрыв лицо руками. — «Ни сна, ни отдыха измученной душе»!

Лука снова начал щекотать и тормошить его, умоляя:

— Лев, ну, Лев! «Сказку о королях» Гумилёва, как раньше! Ну, пожалуйста!

— Ладно, уговорил, — смирился тот и улёгся удобнее, выпрямил ноги, закинул руки за голову, а Лука устроился рядом, положив голову ему на согнутый локоть. Оба устремили взгляды наверх. Секунда, две — и потолок стал исчезать, превращаясь в небо, по которому плывут грозные тучи. Лев начал декламировать, неспешно, нараспев, и у Луки, как всегда, побежали мурашки по коже от восторга.

— *Мы прекрасны и могучи,
Молодые короли,
Мы скользим, как в небе тучи,
Над миражами земли...*

— Бум! — вдруг картинка великолепных просторов под тенью грозовых облаков рухнула — дверь в комнату внезапно отворилась и с силой ударилась о стену снаружи. Мальчики вздрогнули.

— Вы чего на полу валяетесь? Ещё простудитесь! — на пороге возникло белое, как голубь, видение, облачённое в кроличью шубу, поверх которой были навязаны пуховые платки, а в миру — тётя Надя, дальняя родственница, обычно присматривавшая за ними во время отлучек родителей. Как они могли забыть? Оба резко сели.

— И как всегда, не здороваются! Это всё твоё влияние, Лев! Трудно сказать «здравствуйте, тётя Надя»?

— Здравствуйте, тётя Надя, — кисло отозвался Лука, а Лев вызывающе промолчал (как же, станет он делать то, что говорят!).

— Здрасьте, здрастьте, — кивнула она неодобрительно. — Чего расселись, говорю? Ну-ка, вставайте, живо!

И она стремительно исчезла. Лука посмотрел на брата, горестно вздохнув. Лев ласково улыбнулся и взъерошил ему волосы.

— Не расстраивайся, Лучик, потом дорасскажу!

— Ну, Лев! — заныл Лука, цепляясь за него, но тот уже вставал и тянул его за собой. Лука неохотно подчинился.

— Что поделать! Вот так проза жизни порой меняет ход поэтической мысли! Привыкай!

— Где вы там? Сумки мои тащите сюда! — послышался голос тёти Нади.

— Надо было запереть дверь, — пробухтел себе под нос Лука, но Лев его, кажется, не услышал.

Внутренний календарь Луки: ПЯТНИЦА. ТЫСЯЧА ЛЕТ С МОМЕНТА ПРИХОДА ТЁТИ НАДИ.

Пока они носили вещи тётки Нади, которых у неё было *немало*, а она располагала их так, как ей удобно, вернулась Соня — и сейчас же была препровождена на кухню решать вопрос с ужином. Лев, как обычно, успел ускользнуть, а вот Луке не повезло: тётке Наде нужен был живой свидетель при разговоре с Соней, и его она почти силой усадила за кухонный стол, сама же встала перед раскрытым холодильником, из которого незадолго до этого вынула все продукты. Теперь Соня складывала их в мусорное ведро.

— Где ты была весь вечер? У тебя братья одни сидят, голодные! — вопрошала тётка Надя, театральным жестом указывая на Луку, который, вообще-то, вовсе не был голоден, но его никто не спрашивал.

— Я заходила к подруге, — сквозь зубы отвечала Соня, потому что не отвечать было нельзя, но очень не хотелось. Лука наблюдал за ней с интересом, и она, заметив это, сделала ему большие глаза.

— Почему ты не купила свежие овощи, мясо, рыбу? Ведь всё испорчено! — продолжала, тем временем, тётка Надя.

— Да не всё, мама вот только во вторник... — вяло отбивалась Соня, потихоньку строя Луке разные рожи, и он с трудом сдерживал смех.

— То, что лежит хотя бы два дня, уже яд! Нужно покупать исключительно свежее! — тоном, не терпящим возражений, заявила тётка и захлопнула холодильник. Соня закатила глаза.

— Чем ты собиралась кормить братьев?

— По плану у нас макароны, — устало пояснила Соня, и Лука радостно облизнулся, но тётка Надя, как ни странно, вовсе не обрадовалась наличию такого плана.

— Уму непостижимо! — заголосила она, вздевая руки к потолку. — Что за хозяйка из тебя выйдет! Ведь каждый раз, когда остаюсь с вами, я учу тебя готовить! Всего два с половиной месяца назад объяснила всё про рассольник и котлеты на пару! А ты варишь только макароны!

— Нет, не только. Ещё пельмени, — мстительно ухмыльнулась Соня, и тётка Надя схватилась за сердце.

— Ужас! Я так не могу! Я сейчас же сама схожу в магазин! — вскричала она и, сбросив фартук, решительно выбежала из кухни. Послышалась возня в прихожей и щелчок замка.

— Итак, — протянула Соня, оборачиваясь к Луке и потирая руки. — Начинаем марафон «Свари макаронки, пока не спалили!» Ха-ха-ха!

Она захохотала, как карикатурный злодей из мультиков. Лука тоже засмеялся и выскочил из кухни.

Он хотел тайно прокрасться ко Льву и в коридоре перешёл на «бесшумный режим» — встал на цыпочки. Комната была приоткрыта, и он заглянул внутрь, приготовившись напугать брата, но, к его удивлению, Льва там не было! Лука вошёл внутрь, огляделся, но безрезультатно. Тогда он бросился к ванной, но и в ней никого не оказалось.

Лука начал распаивать по очереди комнаты сестёр, потом родительской спальни, вернулся в гостиную и убедился, что Льва нет нигде! В прихожей он проверил куртку и ботинки Льва — они были на месте, значит, на улицу он тоже не выходил. Луку начала охватывать паника. Он ворвался на кухню к сестре, громко крича:

— Соня! Лев пропал!

От неожиданности Соня выронила шумовку, и все её макароны опять оказались в кастрюле, а горячая вода выплеснулась наружу.

— Что ты кричишь?! — рассердилась она.

— Я же говорю тебе, Лев пропал! Что делать? Надо звонить в полицию!

Сестра привычно заворчала, вытирая воду и не обращая на него внимания. Лука подскочил к ней вплотную, схватил за руку.

— Ты слышишь!?

Она оттолкнула его и снова сосредоточилась на макаронах.

— Да отстань ты! Куда он пропал, что за ерунда? Он в своей комнате, как всегда!

Но Лука был очень встревожен, он метался по кухне, отчаянно жестикулируя:

— Я зашёл, а там, его там нет, я обошёл всю квартиру, его нигде нет! В ванной пусто! Его нет! Ты понимаешь?

Недовольная Соня, демонстративно топая, подошла вместе с Лукой к комнате Льва и подёргала дверь, показав, что та заперта.

— Ну?! — Соня резко взмахнула руками, сердито глядя на Луку. — Кто ещё мог закрыть комнату изнутри, если не сам Лев?

Лука с силой вцепился в дверь, почти повис на ней — та не поддавалась. Он удивлённо посмотрел вслед уходящей сестре.

— Но я же видел... Я же всё обыскал... Куда он девался?

Лука начал барабанить и стучать, крича: «Лев, открой!»

Спустя некоторое время дверь открылась, и на пороге обнаружился совершенно спокойный Лев.

— В чём дело, сударь? Извольте объясниться!

— Где ты был? — начал наступать на него Лука. — Я заходил, комната была пуста, тебя нигде не было! Нигде!

— Перестань, Лучик, я был в комнате, — Лев вернулся к «обычному» языку и примирительно провёл рукой по волосам брата.

— Нет, тебя не было! Я всё осмотрел!

— Значит, это была шутка комнаты, — вдруг кивнул Лев, соглашаясь.

— Что за шутка комнаты? — удивился Лука. Вся его обида сейчас же улетучилась.

— Иногда комната как будто оживает, действует сама по себе! Понимаешь, она играет с нами... — присаживаясь на корточки, чтобы быть на равных с Лукой, начал объяснять Лев.

— Комната играет? Во что?

— В прятки. И в другие игры. Это волшебная комната, понимаешь? Она может становиться чем угодно! Она чувствует тебя... Это похоже на «Выручай-комнату» из «Гарри Поттера»! Но только наша комната сама решает, во что превратиться, она сама создаёт миры...

Лука широко распахнул глаза — у него буквально захватило дух. Надо же! Волшебная комната! И там внутри — другие миры!

— Вот это да! Как в «Племяннике чародея»?

— Почти, только без всяких колец, терпеть их не могу. Наша комната наполнена сказками, но — одновременно — правдой! Даже время там идёт иначе — словно пружинка, оно может растягиваться, ползти, как «мох вверх по скале», и тогда у нас проходит неделя, а там — всего один сладостный миг! Но может ускоряться — и в мире Комнаты истекут целые сутки, а здесь, у нас, всего два часа — чтобы ты точно смог совершить подвиг, а потом успеть вернуться к ужину!

— Здорово! — Лука смотрел на Льва, не отрываясь. Он хотел продолжения, хотел больше подробностей, что ещё возможно в Комнате, но в этот момент появилась Соня, а от её прагматизма любое волшебство обычно съёживалось и забивалось в угол. Так вышло и в этот раз.

— Опять ты его небылицами кормишь? — начала она сердито, обращаясь к старшему брату. — А про ослика из Коннемары забыл?²

— Что за ослик? — тут же спросил Лука, и Лев вздохнул:

— Сказка. Мама читала, когда мы были маленькими.

— Вот именно! Хватит уже сказок! — яростно сверкнула глазами Соня и, когда Лев встал на ноги, сильно толкнула его в плечо. — Прекрати рассказывать ему всякую чушь! Ты развлекаешься, а он потом заснуть не может!

Лев как-то грустно усмехнулся, а Лука гневно посмотрел на сестру.

— Всё я могу! И это — не чушь! Лев, это же правда?

— Правда, это правда, клянусь! — Лев снова присел к нему и ласково потрепал по затылку. — Ты когда-нибудь сам убедишься...

— Так, всё, хватит! — Соня рассердилась уже не на шутку. — Ужинать немедленно! — она схватила Луку за руку и потащила на кухню. Тот плёлся за ней, но слова брата не выходили у него из головы, и он думал только о волшебстве комнаты Льва.

Глава 6. Лев исчезает... и не появляется

Внутренний календарь Луки: НОЧЬ С ПЯТНИЦЫ НА СУББОТУ. ВРЕМЯ ИСЧЕЗНОВЕНИЯ ЛЬВА

Лука всё крутился, ворочался с боку на бок и никак не мог заснуть — что-то беспокоило его. Устав бороться, он сел на постели и прислушался. Наконец, ему почудился какой-то шум в комнате Льва.

Он поднялся, постоял немного в нерешительности, поджимая пальцы на босых ногах, и медленно направился к двери брата. Чем ближе он подходил, тем отчётливее слышался шум; он смог различить конское ржание, лязг металла, крики, грубые голоса.

— Лев, ты где? Что там? — зашептал Лука, дёргая дверь, поначалу тихонько, а затем с силой, но та всё равно не поддавалась.

— Лев! Открой! — уже громче повторил он и опустил на колени, чтобы заглянуть в щёлку. Из неё бил свет, яркий, слепящий, и стало вдруг отчего-то жутко.

— Лев! — почти крикнул Лука, и тут дверь отворилась. В проёме показался силуэт, но принадлежал ли он Льву? Ручаться за это казалось делом неблагодарным — всё пространство комнаты было залито таким сиянием, словно на горнолыжном курорте в солнечный день, и зрение, разумеется, не справлялось. Зажмурившись, Лука испуганно охнул, но тут же почувствовал ладони брата на своих плечах, и покорно пошёл туда, куда они его повели; сам он ничего не видел.

Вернув Луку в его спальню и уложив в постель, Лев присел рядом.

— Что это было? Там, в комнате? — перед глазами Луки продолжали гореть чёрные пятна с жёлтыми и лазоревыми каёмками, и он был рад, что не остался сейчас один. — Ты смотрел кино?

— У меня же нет компьютера — ты ведь знаешь папино правило, — покачал головой тот. Но Лука не мог так просто успокоиться:

— Да, но... Тогда что же это было?

Лев вздохнул.

— Это просто комната.

— Скажешь, я всё придумал? — обиженно засопел Лука.

— Все мы придумываем. Да мы и сами — придуманы...

Повисла странная тишина. Казалось, она наполнена, прямо-таки *битком набита* чем-то, что боится быть высказанным, — так как, видимо, слишком долго находилось внутри, поистёрлось, потеряло новизну и свежесть, или, напротив, проросло слишком глубоко. Но Лука неотрывно глядел Льву в лицо, словно подбадривая, и это придало ему сил, хотя делиться сокровенным, вообще-то, — задачка со звёздочкой. И не только для Льва.

— Лучик! — наклонившись, прошептал он. — Слышал выражение «у каждого своя правда»? Это потому, что людей, понимаешь, людей *вообще*, людей, так скажем, *объективно* — их не существует. Каждый выдумывает себя.

— Выдумывает себя? — эхом повторил Лука, и Лев безрадостно вздохнул — должно быть, произнесённое вслух, это соображение оказалась гораздо тяжеловеснее, грубее, чем он представлял.

Он внимательно, даже оценивающе посмотрел на младшего брата. В полутьме тот казался совсем маленьким, тонким, почти прозрачным, как папиросная бумага. «Неуместное сравнение, конечно, — подумал Лев. — Никто сейчас не пользуется папиросной бумагой. Но он всё-таки слишком мал, чтобы понять. Или нет?» Он снова взгляделся в лицо Луки, глаза которого горели несомненным интересом, и решил продолжить.

— Один писатель, Грэм Грин, сказал, что все мы чей-то вымысел³... И я думаю, он прав. Мне кажется, каждый человек выдумывает себя, делает себя в своих фантазиях таким, каким хочет. И реальность — это тоже плод нашего воображения, немного вышедшая за его границы.

Лука смотрел на него, изо всех сил пытаясь взять в толк, серьёзно тот говорит или шутит. Лев горько усмехнулся («Не понимает!»), быстро и ласково погладил по голове:

— Что-то я увлёкся. Не бери в голову, братишка. Просто знай: правда — это то, во что ты веришь. А теперь спи.

Он приподнялся, чтобы уйти, но Лука удержал его за руку.

— Подожди! Я не смогу уснуть! Расскажи мне что-нибудь!

Лев тяжело вздохнул и опустилсЯ обратно на кровать.

— Ладно, но ты закрывай глаза, а то не сможешь представить всё как следует, — и Лев начал свою историю.

— Давным-давно, в тёмные и опасные времена, в одном королевстве началась смута — два претендента на престол, маркиз Трезо и барон Дюсанг, спорили меж собой уже давно, и вот настал момент, когда от слов они перешли к делу. Маркиз Трезо отправил весточку своему двоюродному брату, графу Нимуа, прося помощи, и тот в ответ обещал прислать своих верных людей. Среди них был молодой рыцарь по имени Вальтер де ля Мер.

Он старался во всём следовать кодексу чести рыцаря, сопровождал графа везде и успел зарекомендовать себя как смелый воин и преданный слуга. Ему нравилось всё: и ухаживать за лошадьми графа, и доставлять его корреспонденцию, и биться с его врагами. В этот же раз граф Нимуа отдал ему приказ встать во главе прорывного отряда — это было очень почётно, ещё никогда не приходилось ему вести за собой других. Рыцарь Вальтер с радостью собирался приступить к выполнению поручения, как вдруг услышал, что идти придётся не на врага, а на союзника — граф посылал его возглавить нападение на войска маркиза Трезо!

— Как же так, мой господин! — вскричал поражённый Вальтер. — Ведь мы пришли им на помощь! Мы обещали маркизу своё содействие! Он рассчитывает на нас!

— Что ты понимаешь? — взревел взбешённый граф. — Ты, юнец, будешь читать мне мораль? Я заключил соглашение с бароном Дюсангом, что как только мой глупый кузен попросит помощи, я пообещаю её, а потом поверну оружие против его же войска!

— Но это предательство! — в ужасе воскликнул Вальтер.

— Это военная стратегия! И не тебе обсуждать мои повеления! А тем более осуждать меня! — в гневе граф был страшен.

Что было делать бедному Вальтеру — безродному, никому не нужному, обреченному всегда выполнять чужие приказы? Граф посылал его на предательство, но рыцарь внутри него не мог так поступить.

Лев замолчал, глядя в темноту за окном.

— И что он сделал? — затаив дыхание, прошептал Лука.

— Он сбежал, ему пришлось бежать, — с горечью признался Лев, глядя куда-то в темноту. Казалось, он давно там, в своей истории, и голос Луки ему едва слышен.

— Он попытался предупредить маркиза, что граф его обманет? — Лука изо всех сил хотел предугадать поворот сюжета, ему даже пришлось привстать — так лучше думалось.

— Да, — уныло кивнул Лев, даже не обратив внимания на то, что брат вовсе не лежит с закрытыми глазами, как договаривались. — Вальтер пробрался в стан маркиза Трезо, рассказывал ему о том, что готовится, но опять оказался посрамлён.

— Предатель! — заклеили его приближённые маркиза. — Как ты мог передать нам то, что тебе поведал твой господин! Беги отсюда, пока мы не убили тебя за это!

Вальтер был совершенно обескуражен: он остался один, и опять рядом не было никого, кто бы понимал его. Все отвернулись от молодого рыцаря, так как он нарушил правила — ослушался своего господина. Но он не мог выполнить то, что поручил ему граф.

Лев вдруг наклонился очень близко, так, что его дыхание защекотало ухо Луки, и прошептал:

— Предателю нет прощения. Никогда.

Лука поежился от этих слов и вцепился в рукав брата обеими руками.

— А если он хотел как лучше? Хотел помочь, но не получилось?

Лев упрямо боднул головой и сильно сжал челюсти.

— Всё равно.

Он был уже в дверях, когда Лука, держась за подлокотник дивана, остановил его вопросом:

— А маркиз? Он узнал о том, что его предал брат?

— Узнал, но слишком поздно. Когда его убили. Слуги графа.

Луку снова пробрала дрожь, он сглотнул и сильнее стиснул подлокотник, когда Лев начал декламировать:

*— Луна плывёт, как круглый щит
Давно убитого героя,
А сердце ноет и стучит,
Уныло чуя роковое.*

*Чрез дымный луг и хмурый лес,
И угрожающее море
Бредёт с копьем наперевес
Моё чудовищное горе.*

*Напрасно я спешу к коню,
Хватаю с трепетом поводья
И, обезумевший, гоню
Его в ночные половодья.*

*В болоте тёмном дикий бой
Для всех останется неведом,
И верх одержит надо мной
Привыкший к сумрачным победам:*

*Мне сразу в очи хлынет мгла...
На полном, бешеном галопе
Я буду выбит из седла
И покачусь в ночные топи.*

*Как будет страшен этот час!
Я буду сжат доспехом тесным,
И, как всегда, о coup de grâce
Я возоплю пред неизвестным.*

*Я угадаю шаг глухой
В неверной мгле ночного дыма,
Но, как всегда, передо мной
Пройдёт неведомое мимо...*

*И утром встану я один,
А девы, рады играм вешним,
Шепнут: «Вот странный паладин
С душой, измученной нездеишим»⁴.*

Он ушёл, притворив за собой дверь. Лука забрался обратно под одеяло и некоторое время лежал с открытыми глазами. Стихи взволновали его, но, как всегда, мысль перескочила на слова, за которые зацепилось сознание, и дальше вместо смутного, неприкаянного беспокойства появились вполне конкретные вопросы — например, что такое «ку де грас»?

Балансируя на грани сна и бодрствования, Лука вспомнил, что Лев называл рыцарей полицией Средневековья, ведь именно из их обетов образовался кодекс чести и нравственности (почти закон! пусть и не для всех), нарушение которого строго наказывалось. Лука начал раздумывать, не пойти ли служить в полицию, когда вырастет. Ведь у частных сыщиков так мало возможностей, они не могут никого задержать! Да и вообще, романтика.

Не так давно он прочитал книгу первого главы петербургской сыскной полиции Ивана Путилина, и ему очень понравилось, как тот посылал везде своих верных помощников, и как они приносили ему буквально на блюдечке к вечернему чаю самые нужные сведения. Лука представил, как садится за искусно сервированный стол с разнообразными яствами, и даже крикнул от удовольствия: прямо перед ним лежал кусок торта, покрытый глазурью, а на ней — отчётливый отпечаток сапога и надпись «След преступника». Лука схватил вилку и нож, облизнулся, потянулся к тарту — и на этом окончательно провалился в сон.

Глава 7. «Дело собак»

*Если бы искусство сыщика начиналось и
кончалось размышлениями в покойном кресле,
мой брат Майкрофт стал бы величайшим в мире
деятелем по раскрытию преступлений.
Но у него нет честолюбия и нет энергии.*

А. К. Дойль, «Случай с переводчиком»

Внутренний календарь Луки: СУББОТА. ПЕРВЫЙ ДЕНЬ ПОСЛЕ ИСЧЕЗНОВЕНИЯ ЛЬВА.

Первым делом после пробуждения Лука побежал к брату. Ему показалось, что вчерашний разговор окончился как-то неправильно, и хотелось сказать ему что-нибудь хорошее, приободрить. Лука долго стучал, звал — Лев не открыл. Пришлось всё-таки идти умыться и завтракать одному. По субботам у него были занятия только в музыкальной школе, но зато с утра и до самого обеда. У старших же классов, наоборот, уроки шли со второй смены, и Льву с Соней не было нужды подниматься ни свет ни заря.

Проглотив завтрак, почти не жуя, Лука схватил ноты и папку, на ходу накинул куртку (шапка торчала из кармана) и убежал, громко крикнув напоследок: «Пока, тётя-Надь!»

На кухне тётя Надя неодобрительно покачала головой и продолжила тщательно протирать тарелку.

Лука влетел в здание «музыкалки», подобно точно пущенной стреле — даже не понадобилось доставать карточку, все двери были открыты идущей перед ним учительницей сольфеджио. Не сказать, чтобы Лука был её любимчиком, но за старательность и внимательность ему многое прощалось. В этот раз Ирина Степановна с улыбкой поинтересовалась, как его дела и помнит ли он, что на следующей неделе концерт. Настроение Луки моментально испортилось — концертов он боялся как огня.

— Я же не ради выступлений записался в музыкальную школу! — оправдывался Лука, когда педагоги пытались разговаривать с ним на эту тему. — Я только хочу научиться играть на фортепиано!

— Но концерты — это практика, без этого ты не сможешь играть, как настоящий пианист! — уверяли они. — К тому же, вдруг ты в один прекрасный день поймёшь, что хочешь стать профессиональным музыкантом!

— Ну, уж нет, это будет ужасный день! — думал Лука. Он страшно боялся публичных выступлений, и играть ему хотелось только дома, для собственного удовольствия, как Шерлок Холмс. Он и инструмент мечтал выбрать соответствующий — скрипку! Но в музыкальной школе, которая, подобно рубашкам, брюкам, пальто и прочим важным вещам, «перешла» к нему от Льва, как назло, вообще не было преподавателей-струнников, и пришлось согласиться на фортепиано. Да и ладно бы — Луке оно, в общем-то, нравилось, — если б только не эти ужасные концерты!

— Твоя семья придёт тебя послушать? — словно не замечая его настроения, продолжала Ирина Степановна, и Лука понял, что всегда есть куда упасть ещё ниже: ведь мамы с папой не будет на концерте! Разве только Лев, если выйдет из комнаты...

— Ну что ты загрустил? — голос учительницы вывел его из задумчивости. — Пойдём, сегодня у нас интересная тема!

Однако *внутритактовая синкопа* не слишком воодушевила Луку, и оба урока соль-феджио он выполнял задания, пел, играл и дирижировал совершенно автоматически, а сам всё думал, как бы отвертеться от участия в ненавистном концерте.

Когда его класс перешёл на музыкальную литературу, Лука уже окончательно сник, и только решение попросить помощи Льва в этом вопросе немного его успокоило. Начав размышлять, как они вместе придумают прекрасное оправдание его отсутствию, Лука настолько погрузился в свои мечты, что, ему показалось, вернулся во времени куда-то в раннее детство — звучащая мелодия была определённо ему знакома.

— *Не счесть алмазов в каменных пещерах,
Не счесть жемчужин в море полудённом
Далёкой Индии чудес...*⁵

Когда Индийский гость запел о своей Родине, Лука понял, где слышал эту мелодию: Лев когда-то играл её на флейте. О, то были счастливые времена! Времена, которые не вернёшь.

Лука глубоко вздохнул, а тенор в это время продолжал, словно издеваясь:

— *Есть на тёплом море чудный камень яхонт;
На том камне Финикс, птица с ликом девы,
Райские весёлые песни сладко распевает,
Перья распускает, море закрывает.
Кто ту птицу слышит, всё позабывает.*⁵

Лука распластался по парте, грустно повторяя про себя: «Кто те песни слышит, всё *позабывает*... Вот и Лев, наверное, всё позабыл!»

Что говорила учительница про «Садко», Лука слушал не слишком внимательно, что-то мучило его, какое-то невнятное беспокойство, и он никак не мог выбросить из головы навязчивую мелодию с её странными, причудливыми переливами. Он мог бы даже случайно уйти домой, если бы после музыкальной литературы преподаватель фортепиано сама не увидела его в коридоре и не завела к себе в кабинет.

Но и там он был не в себе. Левая рука играла что-то своё, а вовсе не то, что написано в нотах, и Светлана Алексеевна вынуждена была раз за разом возвращать Луку к тексту.

— Лука, что с тобой сегодня? Ты занимался дома?

Лука печально кивнул. Он, конечно, занимался, но по большей части гаммами — их было играть легко и просто, он пускал пальцы на автомате, и вообще не думал, что делает. А вот с «Весёлым приключением» композитора Стоянова такая штука почему-то не работала.

— М-да, — вздохнула Светлана Алексеевна. — Что-то «Приключение» у нас какое-то невесёлое, ты не находишь?

Лука сам не мог понять, что не так. Наверное, впервые за все годы учёбы он так страстно мечтал об окончании урока! Но на часах, циферблат которых был выполнен в виде грампластинки, а стрелка представляла собой тонарм с иглой, время будто бы замерло. Может быть, поэтому и музыки никакой не получалось. Светлана Алексеевна, как и грустивший на портрете рядом с часами Чайковский, которому стрелка-тонарм, дойдя до цифры «три», должна была упереться, как обычно, прямо в глаз (хотя великий композитор сочувствовал всем ученикам в этом классе), поняла это и отпустила Луку пораньше, напомнив напоследок про концерт.

На улице было холодно, ветрено и пасмурно одновременно. Лука попытался бежать, чтобы разогнать сгустившийся на душе морок, но беспокойство не отпускало, кололось внутри, как бывает, если «отсидишь» ногу, например. С этим настроением он и явился к другу.

— Залетай! — к счастью, Саша являл собой тип никогда не унывающего человека. Он находился в приподнятом расположении духа девять десятых времени своего бодрствования, и мало что могло его по-настоящему расстроить. Увидев, что Лука опять «киснет», Саша немедленно принял необходимые меры — сделал бутерброды, разогрел в микроволновке пиццу и, достав самую вредную на свете газированную воду, пригласил друга насладиться всем этим изобилием. Сам он тоже уселся за стол, так как изрядно проголодался, играя на компьютере с самого утра.

Лука вяло жевал бутерброд с колбасой, и Саша решил попытаться разговорить его.

— Ну, рассказывай, что случилось! — Саша плохо представлял, как можно по собственной воле ходить в музыкальную школу, но таким подавленным после уроков видел Луку впервые.

— Концерт, — отозвался тот, с грустью откладывая в сторону бутерброд. Аппетит у него пропал, стоило вспомнить об этом грядущем испытании. Саша, напротив, уплетал за обе щеки. Сидя по разные стороны стола, они напоминали разворот книжки-раскраски, где с одной стороны чёрно-белая картинка, а с другой — цветная, для образца.

— Жаштавляют идти на концерт? — усердно дожёвывая свой кусок, уточнил тот из них, кто уж точно был на яркой стороне.

— Заставляют выступать, — вздохнул Лука. — Я им сто раз говорил, что хочу играть для себя, а они... Что вот, мол, Лев же выступал, и ты тоже...

— Зачем вообще туда ходить? Ты же уже научился играть — ноты там, клавиши эти все знаешь, так что брось, да и всё! — предложил Саша, казалось бы, очевидное решение. Столько мучений — ради чего? Ему было искренне жаль друга. Но тот, разумеется, отрицательно покачал головой:

— Нет, так нельзя! Если начал, надо закончить! Так Лев говорит... Говорил. Всегда.

— Ты, что, во всём его слушаешься? — Саша недоверчиво взглянул во вроде бы только что полный стакан, который держал в руке. Стакан был пуст. Он пожал плечами и налил ещё газировки. — Спроси у родителей, они наверняка разрешат бросить! Какая разница, что там Лев думает!

— Нет, ты не понимаешь: Лев, он... самый лучший в мире! — немедленно заспорил Лука, и глаза его загорелись. — Он придумывает самые интересные игры, рассказывает самые захватывающие истории, он знает все-превсе стихи и сказки! Вот сразу видно, ты с ним не знаком, а иначе не смог бы сказать — «не важно, что он думает»! Это важно! Важнее всего!

Саша удивлённо взирал на друга — тот настолько вдохновился рассказом о брате, что вскочил и принялся расхаживать вдоль стола, при этом энергично жуя оставленный прежде бутерброд, а краска возвращалась к нему просто на глазах. «Он, что, всё-таки выпил газировку?»

— Знаешь, как мы раньше здорово жили? — тем временем, продолжал Лука, размахивая руками. — С тех самых пор, как родились Катеша, — мне тогда было три года, а Льву десять, — мы жили с ним в одной комнате, и это была наша крепость! Мы защищали её от врагов, участвовали в битвах, у нас такие были мечи, доспехи — закачаешься! А ещё мы устраивали пикники и сидели по ночам у костра, а ещё — смотрели на звёзды! «Там сейчас время костров и сказок», знаешь, из «Братьев Львиное сердце»? Вот и у нас было такое время!

— А где вы разводили костёр? — заинтересовался Саша.

— В комнате, конечно.

— Настоящий? — присвистнул Саша. — И пожар не устроили?

— Да нет, ты что! — Лука рассмеялся легко, весело. — Мы делали его из цветной бумаги, а иногда из фонарика и красной тряпочки! Но это не главное — важно, что мы были там, в лесу! Лев так рассказывал, что я всё видел и чувствовал по-настоящему! И мы с ним лежали под звёздами, и он читал мне стихи Гумилёва, Брюсова, Блока...

— Какого ещё блока? Бетонного? Они умеют сочинять стихи? — Саша притворно схватился за голову.

— Это фамилия поэта, — отмахнулся Лука, не уловив насмешку (или сознательно проигнорировав её). — Лев умеет читать так, чтобы мурашки бегали по позвоночнику! Он читал мне про рыцарей, которые идут совершать подвиг, про гномов, про русалок и про колдовство! Он рассказывал, а я всё это видел — как на картинке, нет, даже как в кино! Понимаешь?

— Нет, — честно признался друг. — Вы поэтому не смотрите кино?

— Почему не смотрим? Кино мы смотрим, — удивлённо посмотрел на него Лука. — У нас только телевизора нет, но это потому, что папа считает: вредно! И в компьютерные игры не играем, потому что компьютер нужен для работы...

— Вот именно! — поддержал его Саша, словно с ними был кто-то третий, кому он мог жаловаться на странное поведение семьи Моревых. — И на телефоне тоже не играете! Я вообще не понимаю, как вы живёте! Без нормальных телефонов с приложениями...

— Никакие телефоны не нужны, когда есть Лев! Он мне всегда читал свои любимые книги, и мы играли... — тут Лука замолчал и стал с большим увлечением рассматривать что-то на улице, за потемневшим уже окном.

— А сейчас? Больше вы этого не делаете?

— Нет, — горько вздохнул Лука. — Лев больше не хочет быть рыцарем...

— А ты? — спросил Саша, не сводя глаз с друга.

— Что я?

— Ну, ты чего хочешь?

— Я? — Лука хлопал глазами и, казалось, не понимал, о чём его спрашивают. — А при чём тут я?

— Как причём? Он передумал быть рыцарем, а ты? Кем хочешь быть?

Лука сглотнул. Чего Саша пытается добиться? Почва под его личными амбициями всегда была довольно зыбкой, и он предпочитал обходить это опасное место стороной. Да и признаваться, что он далеко не герой полицейского романа, каким бывал в своих мечтах, отчего-то не хотелось. В итоге, он решил сказать, что хочет просто всегда быть рядом со Львом, оставаться, как раньше, его оруженосцем, но в этот момент из динамиков донеслись первые ноты музыкальной заставки передачи, которую они ждали, и не сказал — отвлёкся. Ноги вообще сами понесли его к компьютеру.

— Эх ты! Я думал, ты хочешь быть сыщиком! — усмехнулся Саша и тоже начал перемещаться от хлеба поближе к зрелищам, но Лука опять посмотрел на друга озадаченно.

— Конечно, хочу, — наконец, он собрался с мыслями. — Но это не значит, что мне не нужно быть с ним рядом.

— Ладно, как скажешь! — Саша поднял руки, сдаваясь. У него всё-таки был замечательный характер. — Давай, садись скорее, начинается!

Лука уселся перед монитором и, попав под знакомое очарование вступительных титров передачи, собрался, переключившись в «детективный режим», а Саша за его спиной свободно развалился на диване. Наблюдение за «работой» друга было одним из его любимых занятий; это напоминало сериалы, которые он смотрел вместе с няней — увлекательно и забавно.

Когда он узнал, что Лука уже перерешал все задачки из доступных ему книжек вроде «Детектива Шуки», решил поискать что-то подобное в интернете и — вуаля! — обнаружил то, что понравилось им обоим — еженедельную интерактивную программу «ДЕТИКТИВЫ». Её ведущий рассказывал о знаменитых сыщиках, давал рекомендации по изучению законов и даже советы по поведению будущего следователя в жизни, но главное — в передаче была загадка!

Зрителям выдавался набор фактов, и предлагалось строить версии, задавать вопросы и делать выводы, а ответы приходили от модератора — и при этом можно было сидеть в уютном

кресле, а не бегать «по злачным кварталам» Чикаго или Лондона, то есть, физически делать почти ничего не требовалось. Это было как раз то, что Луке нравилось больше всего.

В этот раз ведущий Влад Сорокин рассказывал о «четвероногих сыщиках» — собаках, служивших в полиции и милиции. Конечно, Луке было очень интересно узнать о подвигах добермана Трефа и овчарки Султана, но больше всего он ждал загадки и с трудом смог вытерпеть до второй части, где, в своей обычной манере журналиста, почуявшего нечто жареное, ведущий дал краткое предисловие.

— Жители одного из спальных районов городка N и не подозревали, что рядом с ними бродит преступник. Но когда одна за другой стали пропадать собаки одной редкой породы, люди насторожились. Полиция приняла заявление от пострадавших, но поиски ни к чему не привели. Вся надежда на Вас, юные детективы!

Саша сел поудобнее и с преувеличенным энтузиазмом глянул на Луку, но тот был серьёзен и внимательно смотрел на экран, где как раз появилась информация по делу.

На четырёх картинках были показаны: план местности с обозначенными на нём местами пропажи собак; краткие показания потерпевших и свидетелей; улики — ошейник, поводок, шлейка, обрывок рекламы корма для щенков, а также следы на земле, где угадывались подошва ботинок, углубления от каблучков и отпечатки собачьих лап.

Ведущий, тем временем, «озвучивал» показания:

— Потерпевшие говорили по телефону, отвлеклись от собак «буквально на минутку»; свидетели утверждают, что никаких посторонних не заметили, все свои, «собачники». Ведь парк, по сути, именно для выгула, он даже называется «Собачий».

Лука начал печатать в специальном окне связи с модератором, а ведущий напоминал зрителям, что в комментариях можно задавать вопросы по имеющимся материалам, чтобы продвинуться дальше.

— Как будто мы сами не знаем, — пробурчал Саша.

— Ну, вдруг кто-то новенький смотрит, — продолжая набирать сообщение, пожал плечами Лука. — Итак, пишу: «Вопрос свидетелям, много ли щенков в парке и кто их хозяева».

Модератор тут же ответил: «Щенков нет вообще, все известные свидетелям собаки взрослые» — и окошко для ответа принялось выжидательно мигать. Лука сощурил глаза, покусал губы и напечатал:

«Показать окрестности парка! Ищу, есть ли поблизости зоомагазины».

— Точно, корм же надо где-то было купить! — обрадовался Саша, звонко хлопнув по раскрытой ладони Луки. — О, вот, ответ!

В окошке модератора действительно появилась надпись: «Да, есть». К сообщению была приложена карта района с обозначенными на ней двумя зоомагазинами — один из них, «Карудо», как раз рядом с выходами из парка №2 и 3, между которыми пропали все три собаки.

Лука начал печатать со всей скоростью, на какую был способен, но только запутался в буквах, и Саша, не вытерпев, воскликнул:

— Дай, я быстрее сделаю! Говори, что писать!

Лука освободил место у клавиатуры и стал диктовать:

— «Нужно допросить продавца „Карудо“, узнать, не было ли чего-то необычного в последние дни».

Саша умел обращаться с компьютером гораздо лучше Луки — «всё-таки, годы упорных тренировок», как он любил говорить, — и потому уже через минуту они получили сообщение, озаглавленное «Показания продавца». На экране возник человек в униформе с бейджиком «Зоотовары», как будто снятый на камеру оперативной съёмки:

— Один из постоянных клиентов стал покупать в три раза больше корма, чем обычно, и интересоваться кормом для щенков! Собачка у него как раз той породы, которые пропали.

Тут вдруг по всему экрану заплясали разноцветные огоньки, символизировавшие падающие из хлопушки конфетти. Загорелась надпись: «Ты везунчик!» Лука и Саша переглянулись и наклонились к монитору, где продавец подмигнул в камеру и добавил:

— Этот покупатель заказал доставку всего этого корма к себе домой!

— Да! — обрадовался Лука и легонько толкнул Сашу в плечо. — Давай, пиши: «Проверить по указанному адресу, опросить соседей!»

Едва Саша нажал кнопку отправки сообщения, как в ответ пришло несколько окошек с «показаниями соседей», изобилующими грозными смайликами и восклицательными знаками: «Собак стало больше, каждый день лают, и всё громче! Мы хотим вызвать полицию!»

— Всё, пора брать этого любителя чужих собак! — азартно глянув на Луку, Саша поднял руки над клавиатурой и поиграл пальцами. — Что писать?

— Пиши, что пора зайти в квартиру и понять, откуда взялись собаки!

Ответ пришёл молниеносно: «Ты прав! Собаки нашлись у него!»

— Супер! — Саша потряс друга за плечо, и они принялись читать дополнительную информацию. Оказалось, хозяин собаки решил выдать свою малышку «замуж», а чтобы она могла выбрать «жениха», стал приносить разных собак той же породы из парка. Но поскольку делал это каждый раз в тёмное время суток, то двое из «женихов» сами оказались «невестами».

Саша захохотал и запрыгал по комнате в полном восторге.

— Ну, ты даёшь! Меньше чем за пятнадцать минут ты раскрыл преступление! В этот раз ты точно был первым, я уверен!

Лука скромно пожал плечами:

— Завтра узнаем.

Внутри он, конечно, бурно ликовал, но показывать это в открытую как-то не решился — всё-таки ещё не были объявлены официальные результаты, их оглашали всегда только на следующий день в группе «ДЕТИКТИВОВ» в социальной сети. Бросив взгляд на часы, Лука вскочил так резво, что опрокинул стул.

— Саш, я домой! Мне надо рассказать всё Льву! — ему не терпелось поделиться с братом подробностями своей победы, да и обсудить, как отвязаться от концерта, не мешало бы. От «индийского» беспокойства не осталось и следа — и Лука, быстро попрощавшись с Сашей, побежал домой. Всю дорогу он подкидывал в воздух нотную папку.

Глава 8. Исчезновения продолжаются

Слушал ли кто-нибудь радио пятнадцатого октября прошлого года? Слышал кто-нибудь сообщение об исчезнувшем мальчике?

А. Линдгрен

«Мио, мой Мио»

Когда Лука, румяный с мороза, ввалился в квартиру, то тут же, прямо в одежде, подскочил к двери Льва. Он стучал целую вечность, но Лев опять не открывал, зато в прихожую явилась тётя Надя с поварёшкой в руке. Луке вспомнилась строчка Бродского, и он глупо хихикнул.

— Явился — не запылится! — тёте Наде не очень понравилось, что её встречают хихиканьем. Она нахмурилась. — Где ты был? Я тебя обыскала!

Лука, продолжая постукивать по двери, удивлённо посмотрел на неё:

— Так я же говорил — пойду к Саше после музыкалки! А Лев где?

— Ничего ты не говорил, — поджала губы тётя. — А за Львом я не слежу, мало мне по дому работы! Я на рынок ходила, еле притащила сумки, потом готовила вам — и суп, и жаркое, и пюре, и пирог пекла! Ты хоть бы спасибо сказал!

— Спасибо, — автоматически ответил Лука. — Так где Лев? Он выходил?

— Господи, да откуда я знаю! — рассердилась тётя Надя. — Говорю же — некогда мне! Давай раздевайся, руки мой, ужин на столе! И где Софья, между прочим?

Лука поморщился, как от зубной боли, и покачал головой:

— Эта гражданка не сообщает мне о своём местонахождении.

Это известие позволило тёте Наде перенести своё раздражение на новый объект:

— Ужасно, ужасно! За питанием вашим не следит, вовремя домой не приходит, наверняка где-то гуляет! А ведь рано ей ещё невеститься! Всё нужно делать в своё время! Она... — что ещё хотела сказать о Соне тётя Надя, осталось невыясненным, так как в этот момент в кармане её фартука зазвонил телефон. Она вытащила аппарат, подозрительно взглядела в экран и, различив имя «Костик», быстро нажала кнопку.

— Сынок! — обеспокоенно воскликнула она, и трубка раскатистым басом забубнила ей в ухо. — Что ты говоришь? Как так — повёз жену в роддом?

Костик, видимо, начал оправдываться, но тётю Надю его аргументы не убеждали.

— Так ведь еще две недели до срока! Раньше рожать нельзя! — и добавила, строго подняв указательный палец вверх. — Всему своё время!

Лука и Соня — она как раз в это время вошла в квартиру — с любопытством прислушивались к разговору. Тётя Надя принималась то поднимать руку, свободную от телефона, то опускать её, как регулировщик на перекрёстке, только вместо жезла у неё была поварёшка. Лука тихонько рассмеялся, представив тётю в фартуке на запруженном машинами перекрёстке. «Все водители, начавшие движение не в своё время, тут же получали бы от неё по лбу!» — подумал Лука и еле сдержался, чтобы не засмеяться в голос, представляя стонущих, с огромными шишками, водителей, чередой бредущих к своим машинам, а за ними по пятам громовой голос тёти Нади: «Всему своё время!» И только он в своём воображении расширил границы тёти-Надиного влияния до масштабов планеты (и это, поверьте, было бы грандиозное зрелище!), как Костик сумел, наконец, убедить маму, что поездка в роддом совершенно необходима, и она решительно (просто она всё делала решительно) направилась к вешалке с одеждой.

— Так, Костенька, сынок, без паники! Я немедленно выезжаю! — отчеканила тётя Надя, но тут её взгляд остановился на стоящих рядом Луке и Соне.

— Ой, а я же у Маши... Я пообещала! Ой, что же делать?

От расстройства тётя Надя обессиленно плюхнулась на табуретку, но тут в дело вступила Соня, затараторившая со скоростью, которой позавидовал бы любой пулемёт.

— Что Вы, тётечка-Надечка, если Вам нужно, Вы поезжайте! За нас не беспокойтесь, мы справимся! Всего-то денёчек или два без Вас — мы продержимся! А там и родители вернутся! Льву, в конце концов, почти восемнадцать лет! — увещевала она тётю, да так убедительно, что та заколебалась. К тому же, «Костенька» там, в трубке, всё слышал и, видимо, был совершенно согласен с Соней. Под таким напором тётя Надя не могла больше сопротивляться.

— Выезжаю немедленно! — провозгласила она и звонко чмокнула телефон.

Соня, как лиса, завертелась у её ног, готовая сейчас же прийти на помощь. Она с невиданной прежде прытью помчалась вслед за тётей по квартире, и крайне внимательно выслушивала все её причитания.

— Как же так, как же так! — голосила тётя Надя, пока Соня складывала её вещи, при этом тщательно проверяя освободившиеся полки, чтобы та ничего, не дай бог, не забыла и не вернулась. — Ведь всё надо делать в свой срок! Всеµу, как говорится, своё время! А она вон что — на две недели раньше! Как там мой Костик один, без догляда? Без питания горячего опять же! Ведь он сам не готовит, всё некогда! А она и оставить ему ничего не успела, не собиралась же в роддом-то так рано! Ох, я говорила: всё надо делать в своё время! И появляться в этом мире тоже!

Эти слова стали последним, что услышали Соня и Лука, а эффектной точкой (или всё же восклицательным знаком?) в конце тётиной тирады прозвучал уже щелчок замка, когда она захлопнула за собой дверь. Соня от восторга завизжала, но шёпотом:

— Она, что, реально ушла?

Соня сверкнула на Луку глазами, но тот только пожал плечами и вздохнул. Она махнула на него рукой и, громко распевая арию Виолетты из «Травиаты»: «Быть свободной, быть беспечной!...» — умчалась к себе.

Лука покачал головой, подражая тёте Наде, постоял немного у двери Льва и поплёлся на кухню. Там он на всякий случай проверил все кастрюли, и хотя они были до краёв полны разнообразными и очень полезными блюдами, решил всё же начать ужин с пирога. Откусив немного для пробы, он радостно замычал и тут же бросился к вожаделенной комнате.

— Лев! Тётя Надя пирог испекла, вкусный! Выходи! — закричал Лука в щель под дверь, чтобы Лев лучше услышал его, но ничего не произошло. Лука подождал ещё немного, а потом отправился на кухню и доел пирог один.

Через четверть часа он уже не знал, чем себя занять, и снова заглянул под дверь Льва, но там было по-прежнему тихо и темно. Он помялся некоторое время у порога и всё-таки ушёл к себе, лёг в кровать и заснул с «Шерлоком Холмсом», выученным наизусть.

Внутренний календарь Луки: ВОСКРЕСЕНЬЕ. ВТОРОЙ ДЕНЬ ИСЧЕЗНОВЕНИЯ ЛЬВА.

Утром в воскресенье Лука проснулся в плохом настроении. Только открыв глаза, он вспомнил, что вчера так и не смог увидеть Льва, и, выпрыгнув из кровати, подбежал к его двери, постучал, заглянул в щёлку, но всё было по-прежнему: комната оставалась безмолвной и необитаемой.

Лука уныло поплёлся на кухню, где Соня отлично проводила время — жуя сухой завтрак из пакета, читала что-то у себя в телефоне. Она едва взглянула на брата, когда тот вошёл и повалился за стол, распластав руки и лицо по его поверхности.

— Где Лев? — невнятно из-за прислонённой к столешнице щеки спросил Лука. — Я его не видел с позавчерашнего вечера. Комната закрыта... Что он там делает?

— Как всегда — читает или пишет письмо, — отозвалась Соня, не отрываясь от своего занятия.

— Ну как так — целые сутки? И даже не выходил в туалет? И ничего не ел?

— Нас полдня нет дома, можно успеть всё. И ночью, кстати, тоже.

Лука отлепился от столешницы и начал качаться на стуле.

— Но раньше же мы виделись каждый день, разговаривали, я ему рассказывал всё! А теперь он мне не открывает! Уже второй день!

— Может, он не хочет тебя видеть? — предположила Соня, и Лука уставился на неё с недоверием:

— Как так — не хочет? — в его голове слова «Лев» и «не хочет меня видеть» никак не складывались в одно предложение. Сестра бросила на него снисходительный взгляд поверх телефона:

— Он уже взрослый, у него свои дела, ему не до тебя! Просто смиришься.

— Нет, это неправда! — Лука вскочил так резко, что стул с грохотом упал назад.

— А что — правда? — с саркастической усмешкой поинтересовалась Соня.

Лука сжал кулаки.

— Лев сказал: правда — это то, во что я верю! Я знаю, что он пропал! Пропал в комнате! Она играет с ним в эту игру!

Соня страдальчески закатила глаза.

— Лука, тебе одиннадцать лет! Не будь ребёнком! Комната не живая, она ни во что не играет! Это очередная сказка, которую Лев придумал для тебя!

— Нет, ты врешь! — закричал Лука, но сестра уже убрала телефон и подошла к нему вплотную, наклонилась и предложила:

— Давай я тебе докажу, что он никуда не пропадал?

— Докажи!

Соня грубовато взяла его за плечо и поволокла к комнате Льва. Около двери Лука освободился из её хватки, а освободившимися руками она подёргала дверь несколько раз; та ожидаемо не поддалась.

Соня указала на неё взглядом и сложила руки на груди.

— И что это доказывает? — Лука иронически поднял брови.

Она постучала пальцем ему по лбу, но он сердито смахнул её руку.

— А ещё сыщик! Включи логику — там нет ни защёлки, ни шпингалета, это замок, который запирается только ключом! А ключ мог вставить только Лев. Больше никого не было. У нас, кстати, есть камера в коридоре, ты знал? Я смотрю записи каждый вечер: никто посторонний не входил в нашу квартиру, и никто не выходил из неё, кроме нас с тобой! Понял? Лев дома.

— Но его нет в комнате! Где же он тогда? — опять запричитал Лука, но Соне уже надоели эти препирательства.

— Да что ты заладил-то? Он просто не хочет нас видеть! Такое бывает! Оставь меня в покое, а иначе я тоже у себя запрусь, будешь знать! — сердито пообещала она и направилась обратно в сторону кухни.

— Ты не можешь запереться у себя — в твоей двери нет замка! — не смог устоять Лука, чем, конечно, только больше разозлил сестру.

Он прислонил ухо к двери комнаты, прислушался, но там царила мрачная тишина, и в щёлке не было света. Лука уткнулся в неё лбом и прошептал:

— Где же ты, Лев?

От скуки и беспокойства, которые мучили его попеременно, он, наконец, решил спастись игрой на фортепиано — сел разбирать «Джюльетту—девочку» Прокофьеvа. На аккордах он, правда, сразу начал сбиваться: не хватало длины пальцев, и он нажимал си третьей октавы вместо до четвёртой. Это звучало так, словно он раз за разом ронял на кафель металлические вилки. Очень много вилок — допустим, набор на двенадцать персон. Как и следовало ожидать, вскоре из Сониной комнаты высунулась её рука и швырнула в него подушкой.

— Прекрати! Тебе не справиться с ней! Это слишком сложно! — прокричала сестра и с силой хлопнула дверью.

Лука обиженно засопел, но никуда не двинулся, продолжив мучить несчастный аккорд. Тогда Соня выскочила из своей комнаты, молниеносно схватила листок с подставки и убежала обратно, Лука не успел ей помешать.

— Я распечатаю новые ноты! — закричал он, но в ответ донеслось издевательское:

— Попробуй! Ноутбук уехал вместе с мамой!

— Это нечестно! — Лука бросился на диван в гостиной и зарылся с головой в подушки. «Вот бы так взять, да и провалиться в подушечную страну, — подумал он, шмыгая от обиды носом. — Там, среди добрых мягких подушек, и жить веселее, наверное...»

Идея прекрасной мягкой страны без острых углов и твёрдых поверхностей понравилась ему, и он, разлётшись поудобнее, продолжил:

— Подушки любят друг друга и всегда прощают, жалеют. Но однажды в этой стране пропал подушечный принц! И все подушковцы — так назывались жители Подушечной страны — всполошились! Срочно вызвали детектива, лучшего подушечного сыщика, господина... — он задумался. — Пёрышкина! Да, его так звали, Пёрышкин — и он сейчас же приступил к делу!

Лука завозился на диване, вытащил из чехла одной подушки маленькое белое перо и стал внимательно рассматривать его.

— Пёрышкин — отличный детектив, лёгкий на подъём, даже, можно сказать, *невесомый*, везде может проникнуть. А ещё умеет щекотаться, чтобы веселить принца. И у преступников на него аллергия... Изящно я обыграл это имя, а? — спросил он у пера, вздохнул. — Лев бы оценил.

Можно бы и дальше сочинять эту историю, но что-то расхотелось — детектив Пёрышкин был сброшен со своего пьедестала. На пол.

Было скучно и мутно. В прихожей тикали часы. В комнате Сони бубнил сериал.

Лука полежал ещё немного, глядя в потолок (нашёл две новые трещины на лепной розетке и малюсенький скол штукатурки), переместился к окну — пересчитал деревья (тополь, ясень и три липы), соседские машины (жёлтая «Лада» и чёрный «Ниссан» на своих обычных местах) и, в конце концов, поплёлся к себе.

Там посидел некоторое время на диване, разглядывая свои стены (серо-голубые), полки над диваном (обычные, деревянные), письменный стол (маленький, неудобный). Решил достать игрушки, которые давным-давно забросил, и уселся на пол так, чтобы видеть дверь комнаты Львa.

Когда через час Соня проходила в сторону прихожей, то, увидев его, остановилась, выставила вперёд руку, призывая к молчанию, и с расстановкой произнесла:

— Если ты ещё раз скажешь, что Лев пропал, я тебя чем-нибудь стукну.

Но у Луки за это время созрел неплохой план, включавший, правда, шантаж и выкручивание рук, но на что ни пойдёшь ради любимого брата.

— Я тогда позвоню маме и папе! — вставая с пола, выдал Лука. — И скажу про твою вечеринку! У одиннадцатиклассников...

Тут Соня, как кошка, в один прыжок оказалась около него:

— Только попробуй! Я клянусь, тебе не сдобровать! — она замахнулась, чтобы дать ему подзатыльник, но он успел увернуться и прижался к двери комнаты Льва, словно желая обнять её.

— Тогда давай откроем дверь в комнату! Если Лев там, я... — он замолчал, так как в этот момент в щели под дверью вдруг появился свет, а в нём — тень человека.

— Ну вот, что я говорила! — торжествующе воскликнула Соня. — Лев, открой! Лука тут с ума сходит! Покажись ему!

— Лев, Лев, открой, пожалуйста! — почти заскулил Лука.

Тень не двигалась.

— Ах, вот так, да? — взбешённая Соня размахнулась и с силой ударила в дверь ногой. — Не откроешь? Я всегда знала, что ты эгоист, но чтобы до такой степени? Ты не о ком не думаешь, кроме себя! Придурок!

— Не смей так говорить о Льве! — набросился на неё Лука, и сестра рассердилась ещё сильнее.

— Да хватит его защищать, тошно уже! Бегаешь за ним, как собачонка! Он поманит — ты на край света помчишься и всё, что угодно, сделаешь, а он...

— И помчусь! — со слезами закричал в ответ Лука. — Потому что он самый лучший на свете!

— Лучший? А что ж тебе дверь не открывает?

— Лев, пожалуйста, — взмолился Лука.

Оба впились напряжёнными взглядами в тень на полу, которая во время их перепалки стояла неподвижно, но едва они замолчали, стала перемещаться — к сожалению, не к выходу, а наоборот, куда-то вглубь комнаты, и вскоре исчезла совсем. Вслед за этим в комнате стало темно.

Разгневанная, Соня изо всех сил шарахнула по двери кулаками и, обернувшись к Луке, рявкнула:

— Ты видишь, как он себя ведёт! Он на нас плевать хотел! Ну и мне плевать! Не смей заводить больше этот разговор! Лев в комнате, и точка!

Она убежала к себе, а Лука постоял несколько секунд, ожидая, когда установится тишина и можно будет услышать, что происходит у Льва; потом снова начал барабанить, кричать, но всё без толку. В комнате снова наступила ночь, и в щели под дверью ничего не было видно.

— Что же случилось с тобой, Лев? — прошептал Лука, горестно вздохнув. — Куда ты пропал?

В следующий час Соня ходила туда-сюда по квартире, собираясь на вечеринку, и демонстративно не разговаривала с братом. Лука уныло повозился с конструктором, но скоро ему это надоело, и он, взяв маленькую машинку, забрался в палатку из старого одеяла, которую ему сделал Лев посреди спальни. Там, внутри, он лёг щекой на ковёр, как любил в раннем детстве, стал катать машинку туда-сюда и смотреть на вращение колёс. Это было похоже на своеобразный транс, и мало-помалу его окутала темнота.

Глава 9. Кто-то появляется

Меркуцио

Где носят черти этого Ромео?

У. Шекспир

«Ромео и Джульетта»

Лука тащился по улице вслед за своими сёстрами.

Было грязно и холодно, дул ветер. Он шёл, низко опустив голову, у перекрёстка остановился. Соня дёрнула за руки двойняшек, и они перешли дорогу, а Лука замешкался и не успел. Он долго смотрел на проезжающие машины, и вдруг у столба светофора увидел Льва. Тот стоял со скрещенными на груди руками и смотрел на Луку прямо, потом слегка ухмыльнулся — по-доброму, по-своему — и в следующую секунду исчез.

Но не успел Лука должным образом удивиться этому, как увидел себя идущим по парку, тонущему в бледном сыром тумане. Вокруг было непривычно тихо — ни шума деревьев, ни голосов, ни шорохов автомобильных шин, ни гудков со стороны дороги. Это было странно.

Он огляделся ещё раз и вдруг у аллеи постриженного кустарника заметил девочку в длинном, до самой земли, серо-голубом платье из какой-то тяжёлой ткани, похожей на бархат. Такие платья Лука видел на картинках в книгах Льва о Средневековье, а ещё, кажется, в каких-то трагедиях Шекспира. «Разве сейчас такое носят?» — подумал он.

Девочка смотрела на него, не отрываясь. Лука чувствовал её взгляд, когда выходил из парка, но напоследок всё-таки обернулся: она стояла там же. Он вышел, и в ту же секунду проснулся — резко, как от внезапного удара.

С сильно бьющимся сердцем Лука выскочил из палатки, бросился к двери комнаты Льва и начал стучать. Но там, увы, было по-прежнему тихо, а под дверью темно.

Соня выглянула из своей двери. Её гнев уже улёгся, погребённый под слоями косметики и килограммами перемеренной одежды — ей ведь нужно было пробираться в стан врага, а это требовало не только внешней маскировки, но и максимальной сосредоточенности на новом образе.

— Опять караулишь? — сочувственно спросила она, закрывая в сумочке секретные приспособления для своей миссии. — Я слышала оттуда какие-то звуки! Он, видимо, стеллажи свои двигает.

Лука снова забарабанил в дверь: «Лев! Открой!»

Сестра, качая головой, прошла мимо него в прихожую и стала надевать куртку.

— Лука! — заматываясь шарфом потуже, повысила голос Соня. — Да успокойся, я же говорю, он в порядке! Просто ушёл в загул! Пока родителей нет, мелких нет, надо успевать! Я тоже ушла, чао! — и она, помахав ему на прощанье, исчезла.

— Чао, — передразнил её Лука и, расстроенный, плюхнулся на пол у двери комнаты. — Чего это она по-итальянски заговорила, а?

Но ответить было некому. Только часы тикали на стене.

— Чао, — повторил он и, откинув голову назад, закрыл глаза.

Было раннее утро. Лука шёл по детской площадке в парке. Вокруг было пусто, ни одной живой души, но качели покачивались так, как будто с них только что сошли. Лука переставлял ноги медленно, озираясь.

«Кто играл здесь только что? Как успел так быстро убежать?» — подумал он и вдруг снова увидел её — ту самую девочку, в одежде из прошлого. Она стояла у входа в парк, смотрела на него пристально. Лука прошёл мимо, оглянулся — она продолжала на него смотреть.

Лука сделал решительный шаг из парка, но в ту же секунду почувствовал отсутствие опоры и, боясь упасть, распахнул глаза. Что-то звенело громко и визгливо. Лука долго не мог ничего сообразить, пока, наконец, не догадался, что это домашний телефон (один во всём городе, наверное!), лежащий на «базе» в гостиной. Звонил Саша — и с не самыми приятными новостями.

— «Дети-детективы» объявили победителя, — мрачно изрёк он и прочитал, видимо, со страницы сообщества, уничижительно растягивая гласные. — Гле-еб Климе-ентьев!

— Да почему?! — воскликнул Лука; от обиды у него на глаза навернулись слёзы. Он вспомнил вчерашнюю эйфорию от своей эффектной победы, от грамотно проведённого расследования, о которых мечтал рассказать Льву. Но ни Льва, ни победы — опять! Почему всегда так? Это просто нечестно! Несправедливо!

Он резко опустилсЯ на пол и топнул согнутой в колене ногой — даже звука толком не было слышно. Луке стало ещё противнее, в носу защекотало. Саша, похоже, это понял и заговорил:

— Погоди психовать! Ты не знаешь, там дальше ещё Сорокин наговорил! Слушай, сейчас включу! — и до Луки донеслось обращение ведущего, которое тот выложил вместе с результатами.

— Здравствуйте, дорогие юные детективы! — вещал Влад Сорокин. — Знаю, как вы все ждали объявления победителя нашего «дела собак», и он у нас есть, это Глеб Климентьев! Поздравляю Глеба, однако, я решил все же выйти в эфир и воздать дань уважения ещё одному мастеру расследования — Луке Мореву! Лука дал такие же верные ответы, что и Глеб, но на несколько минут позже! Допускаю, что это могло произойти не по вине Луки, поэтому мы с моими помощниками посоветовались и приняли решение — будем считать, что это был первый тур необычайного и единственного в своём роде турнира детективов! Да-да! Два самых быстрых и активных участника — Глеб и Лука — уже доказали, что могут решать наши задачи! Теперь мы предлагаем им провести собственные настоящие расследования! Это могут быть любые происшествия, которые вы сочтёте достойными внимания! Вперед, друзья! Ждём ваши расследования до воскресенья! Лучшего из вас мы пригласим в эфир нашей передачи и вручим потрясающий приз! Желаю удачи!

Лука сидел с трубкой в руке и смотрел в стену перед собой. «Настоящее расследование»! Но как его проводить? И где?

— Эй, ты там уснул, что ли? — донесся до него голос Саши, и Лука плотнее прижал к уху телефон, растерянно заговорил:

— Нет, нет, я здесь...

— В общем, думай, как ты сделаешь этого Климентьева! Слышишь? Созвон через два часа — мне поиграть надо успеть, пока родители не вернулись! Давай, пока!

Лука нажал отбой, обхватил голову руками и глубоко задумался.

Глава 10. И не исчезает

Было раннее утро, и Лука шёл вдоль длинной жёлтой бетонной стены. Вокруг опять было пусто. Он начал оглядываться, пытаясь понять, где это место, повернулся — и увидел девочку. Она, как и в прошлые свои появления, молча стояла и смотрела на него. Он ускорил шаг и прошёл мимо, краем глаза следя за ней, но она лишь спокойно проводила его взглядом. Лука пустился бежать, только чтобы не видеть её, а по пятам за ним — громкий телефонный звонок.

Лука опять вскочил, заметался взглядом по стенам, полу; ему казалось, что телефон лежал где-то совсем рядом — но его нигде не было. Он развернулся и вдруг увидел её. Девочку. *Ту самую*. Она стояла прямо посреди прихожей, всё в той же одежде из прошлого, и, сощурив глаза, смотрела прямо на него.

— А-а-а! — от неожиданности Лука закричал и бросился к себе в комнату. Захлопнув дверь, прижался к ней спиной, тяжело и рвано дыша.

Он схватился за голову, замотал ею и даже замычал от бессилия: «Где же Лев, когда так нужен мне!» Мысль о брате немного отрезвила Луку.

— Я пойду ко Льву, поняла? Лев тебя выгонит! — громко и чётко объявил он, обращаясь к девочке, и через секунду распахнул дверь.

В прихожей никого не было. Вообще. Никого. Но Луке стало отчего-то ещё страшнее. Он бросился к комнате Льва, начал колотить в неё кулаками, но тут взгляд его упал на телефон, лежащий у двери, и спасительная идея позвонить Саше прибавила ему храбрости. Лука схватил телефон и в мгновение ока снова закрылся в своей спальне. Посидел, успокаивая дыхание, и набрал номер друга.

— Саш, я, кажется, схожу с ума!

— С чего ты взял? — что-то жуя, отозвался Саша. Он никогда ни во что не верил сразу — такая у него была особенность. Помнится, сам Лука называл это критическим мышлением. Сейчас оно очень пригодилось, потому что его захлестывали эмоции — он был почти не в себе:

— С того! Я вижу девочку из своего сна наяву! Что мне делать?

— Какую ещё девочку? — Саша перестал жевать. Лука хлопнул себя по лбу — конечно, он ведь не рассказывал Саше об этих странных снах.

— Просто... В общем, мне уже третий раз снится одна и та же девочка!

— Что за девочка-то? Из нашего класса? — презрительно уточнил Саша, и Лука даже застонал от негодования.

— Да нет же! Совершенно не знакомая, но ужасно приставучая — вся такая, ну знаешь, загадочная! И одета ещё... как будто не из нашего времени, а из книжки... Из сказки!

— Принцесса? — переспросил Саша, воодушевляясь. Лука скрипнул зубами от досады. Неужели Саша думает, что он любит девчачьи истории?

— Нет! Просто какая-то девочка. И всё.

— Ладно, ладно, не заводись! — Саша вновь принялся за свою трапезу. — И чего она? Пришла, говоришь, теперь наяву?

Лука выдохнул, обрадовавшись, что они добрались, наконец, до сути, но тут же снова напрягся — ведь ничего не прояснилось. И он продолжил немного испуганно:

— Д-да! Я только что видел её у нас в прихожей! Что мне делать?

— Спокойно, дружище! — уверенно произнёс Саша. — Это бывает. Наверное, тебе просто померещилось... Или ты... Как это называется... Грезил?

— Да нет же! — чуть не плача, возразил Лука. — Говорю тебе, я точно не спал, и не грезил, и ничего такого! Но она там стояла и смотрела на меня! Как будто, знаешь, ну, хотела поговорить! Так внимательно, испытывающе...

Он замолчал, и Саша вынужден был подбодрить его вопросом:

— Ну и?

— Что ну и? — отозвался Лука.

— Почему ты не поговорил? — как нечто само собой разумеющееся, спросил Саша.

— Как почему? Как ты это себе представляешь? Поговорить с человеком из сна? Она — из сна! Её не существует! Не должно существовать...

Тогда Саша задал следующий (и вполне логичный, надо сказать!) вопрос:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.